

ДЭН СИММОНС

НЕГЛУБОКАЯ МОГИЛА
ЛЮТАЯ ЗИМА
КРУЧЕ НЕКУДА

Мастера фантазии

Дэн Симмонс

**Неглубокая могила.
Лютая зима. Круче некуда**

«Издательство АСТ»

2001, 2002, 2003

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Симмонс Д.

Неглубокая могила. Лютая зима. Круче некуда / Д. Симмонс —
«Издательство АСТ», 2001, 2002, 2003 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-175636-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Отсидев одиннадцать лет за убийство, частный детектив Джо Курц выходит на свободу и пытается вернуться к любимому делу. Однако бывшему уголовнику никогда не вернут лицензию на занятие частным сыском, поэтому Джо приходится действовать нелегально. Так и получается, что его основными клиентами становятся... гангстеры, которым нужно то найти сбежавшего бухгалтера, то устранить главу конкурирующего клана, то поймать маньяка, открывшего охоту на мафию. А поскольку прошлое никак не отпускает Курца, он то и дело вынужден отвлекаться на желающих свести старые счета...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-175636-9

© Симмонс Д., 2001, 2002, 2003

© Издательство АСТ, 2001, 2002, 2003

Содержание

Неглубокая могила	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	44
Глава 14	45
Глава 15	48
Глава 16	51
Глава 17	55
Глава 18	58
Глава 19	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дэн Симмонс
Неглубокая могила.
Лютая зима. Круче некуда
Сборник

Dan Simmons
HARDCASE
HARD FREEZE
HARD AS NAILS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc., Armonk, New York, USA и Nova Littera SIA.

Серия «Мастера фантазии»

© Dan Simmons, 2001, 2002, 2003
© Перевод. Н. Нестерова, 2025
© Перевод. С. Саксин, 2024
© Перевод. М. Новыш, 2024
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

* * *

Неглубокая могила

НЕГЛУБОКАЯ МОГИЛА

ПЕРЕВОД С. САКСИНА

*Эта книга посвящается Ричарду Старку, который иногда пишет
под нелепым псевдонимом Дональд Уэстлейк*

Глава 1

В четверг ближе к вечеру Джо Курц постучал в дверь квартиры Эдди Фалько.

– Кто там? – окликнул из-за двери Эдди.

Отступив назад, Курц пробормотал что-то невнятно, но очень взволнованно.

– Что? – переспросил Эдди. – Я спрашиваю, кто там, мать вашу?

Курц издал те же самые настойчивые, невнятные звуки.

– Черт, – выругался Эдди.

Сжимая в руке пистолет, он отпер массивный полицейский замок и чуть приоткрыл дверь, оставив ее на цепочке.

Курц пнул ногой дверь внутрь, вырывая цепочку из деревянного косяка, и навалился на дверь, заталкивая Эдди Фалько вглубь комнаты.

Эдди был на несколько дюймов выше Курца и весил по крайней мере на тридцать фунтов больше, но на стороне Курца был поступательный момент.

Эдди вскинул девятимиллиметровый «Браунинг». Продолжая толкать его к противоположной стене, Курц обхватил Эдди за грудь, правой рукой стиснув ему бицепс. Его левая рука быстро накрыла «Браунинг» сверху.

Эдди нажал на спусковой крючок. Как и рассчитывал Курц, курок ударил по перепонке между большим и указательным пальцами его левой руки.

Вырвав пистолет из рук Эдди, Курц со всей силы толкнул его лицом в стену.

– Ах ты сукин сын, мать твою! – крикнул Эдди, вытирая кровь из разбитого носа. – Черт побери, ты сломал мне...

Он метнулся за пистолетом.

Выбросив «Браунинг» в открытое окно с шестого этажа, Курц схватил Эдди левой рукой и ловко поставил ему подножку. Голова Эдди глухо ударилась о твердый паркет. Курц придавил ему грудь коленом.

– Расскажи мне о Сэм, – сказал он.

– Кто это такая, мать ее... – задыхаясь, выдавил Эдди Фалько.

– О Саманте Филдинг, – продолжал Курц. – О рыжеволосой девушке, которую вы убили.

– Та рыжеволосая? – сказал Эдди, харкая кровью. – Я понятия не имел, как зовут эту сучку, я только...

Курц перенес весь свой вес на одно колено, и глаза Эдди вылезли из орбит. Затем Курц, опустив левую руку ладонью вниз, с силой надавил, прижимая сломанный нос орущего Эдди к щеке.

– Говори о ней вежливо, – сказал он. – Она работала со мной.

Белое как мел лицо Эдди покрылось багровыми пятнами.

– Не могу... дышать... – с трудом выдавил он. – Убери... колено... пожалуйста...

Курц встал.

Тяжело дыша, Эдди снова харкнул кровью, медленно поднялся на колено и вдруг бросился из комнаты.

Курц последовал за ним на крохотную кухню.

Эдди обернулся, сжимая в руке здоровенный тесак. Пригнувшись, он сделал обманное движение, затем выпад и вдруг словно воспарил в воздухе, отлетая назад, – это Курц нанес ему ногой прицельный удар в пах. Эдди со всего маху налетел на столик, заставленный грязной посудой. Учашенно дыша и отрывая, он растянулся на столике, раздавив своей спиной тарелки.

Подобрав нож, Курц бросил его в дальнюю стену, и он вонзился в дерево, вибрируя, словно камертон.

– Сэм, – произнес Курц. – Расскажи о том, что случилось с ней в ту ночь, когда вы ее убили.

Приподняв голову и прищурившись, Эдди посмотрел на него.

– А пошел ты!..

Он схватил со стола другой нож, маленький кухонный.

Вздыхнув, Курц захватил мерзавца локтем за шею, согнул его пополам, ткнув лицом в мойку и засунул правую руку Эдди глубоко в щель мусоропровода. Эдди Фалько начал кричать еще до того, как Курц щелкнул крышкой.

Выждав тридцать секунд, Курц открыл мусоропровод и, оторвав кусок от окровавленной рубашки Эдди, обмотал ему обрубки пальцев. Под брызгами крови лицо Эдди было белым как простыня. Раскрыв рот, он вытаращился на то, что осталось от его ладони. Кто-то из соседей стал колотить в дверь.

– Помогите! Убивают! – громко закричал Эдди. – Вызовите полицию! На помощь!

Дав ему поорать несколько секунд, Курц оттащил его назад в большую комнату и швырнул в кресло у стола. Стук в дверь прекратился, но с лестничной площадки доносились крики соседей.

– Полиция уже в пути, – задыхаясь, проговорил Эдди Фалько. – Полиция будет здесь с минуты на минуту.

– Расскажи мне о Сэм, – тихо произнес Курц.

Прижав окровавленную тряпку к изуродованной руке, Эдди бросил взгляд в сторону открытого окна, словно ожидая услышать сирены. Облизав губы, он пробормотал что-то невнятное.

Курц крепко пожал его окровавленную руку. На этот раз крик был таким громким, что даже соседи затихли.

– Сэм, – повторил Курц.

– Она случайно наткнулась на партию кокаина, когда искала того сбежавшего из дома оболтуса. – Голос Эдди превратился в монотонное бульканье. – Я даже не знал, как ее зовут, мать твою. – Он посмотрел на Курца. – Это сделал не я, честное слово. Это сделал Левин.

– А Левин сказал, это сделал ты.

Эдди беспокойно стрелял глазами по сторонам.

– Он лжет. Пригласи его сюда и спроси сам. Это он ее убил. А я только ждал в машине.

– Левин больше никуда не сможет прийти, – равнодушно объявил Курц. – Вы изнасиловали ее перед тем, как перерезать ей горло?

– Говорю тебе, это был не я. Это сделал ублюдок Ле...

Эдди снова завопил.

Курц отпустил бесформенное месиво, в которое превратился нос Эдди Фалько.

– Вы ее сначала изнасиловали?

– Да. – В глазах Эдди сверкнуло что-то похожее на вызов. – Проклятая сучка начала сопротивляться, попыталась...

– Хорошо, – потрепав Эдди по окровавленному плечу, сказал Курц. – Мы с тобой уже почти закончили.

– Что ты хочешь сказать? – Вызов превратился в ужас.

– Я хочу сказать, что сюда с минуты на минуту приедут полицейские. Ты больше ничего не хочешь мне сказать?

Послышалось завывание сирен. Вскочив с кресла, Эдди заковылял к раскрытому окну, словно желая криком поторопить полицейских, но Курц впечатал его в стену, удерживая на месте. Эдди вырывался, пытаясь ударить Курца левой рукой и тем, что осталось от правой. Курц не обращал на него внимания.

– Клянусь, я не...

– Заткнись, – остановил его Курц.

Схватив Эдди за остатки рубашки, он подтащил его ближе к окну.

– Ты же не собираешься меня убить? – растерянно спросил Эдди.

– Думаешь?

– Не собираешься.

Эдди повернул голову к окну, до которого оставалось всего несколько дюймов. Шестью этажами ниже остановились две патрульные машины. Высыпавшие из подъезда жильцы показывали на окно. Один из полицейских, увидев Курца и Эдди, достал пистолет.

– Тебя упекут навечно! – взвыл Эдди, обжигая Курцу лицо своим горячим, зловонным дыханием.

– Я не настолько стар, – возразил Курц. – У меня впереди еще много лет.

Эдди бросился в сторону, разрывая до конца то, что осталось от его рубашки, и высунулся в окно, размахивая руками.

– Поторопитесь! – крикнул он, обращаясь к полицейским внизу. – Поторопитесь, мать вашу!

– Ты спешишь? – спросил Курц. – Ладно.

Схватив Эдди Фалько за волосы и пояс брюк, он выбросил его в открытое окно.

Соседи и полицейские бросились врассыпную. Эдди кричал до самого удара о крышу ближайшей патрульной машины. Во все стороны брызнули осколки хромированной стали, стекла и плексигласа от мигалки.

Трое полицейских вбежали в здание, держа оружие наизготовку.

Молча постояв у окна, Курц вернулся ко входной двери и распахнул ее настежь. Когда через минуту полицейские ворвались в квартиру, он стоял на коленях в центре комнаты, заложив руки за голову.

Глава 2

В прежние времена Курца выпустили бы в дешевом новом костюме, уложив его вещи в бумажный пакет. Сейчас для вещей ему вручили дешевую сумку из кожзаменителя, выдали джинсы, хлопчатобумажную рубашку, ветровку и билет на автобус до соседней Батавии.

На автобусной станции Курца встретила Арлин Димарко. Они поехали на север до платной автострады, затем повернули на запад. Не обмолвившись ни словом.

– Знаешь, – наконец нарушила молчание Арлин, – ты выглядишь каким-то постаревшим, Джо.

– Я действительно постарел.

Проехав еще миль двенадцать на запад, Арлин вдруг сказала:

– Слушай... добро пожаловать в двадцать первый век.

– Там он тоже наступил, – ответил Курц.

– Как ты это определил?

– Резонный вопрос, – сказал Курц, и они молчали еще миль десять.

Опустив стекло со своей стороны, Арлин закурила, стряхивая пепел в свежий осенний воздух.

– Я полагал, твоему мужу не нравится, что ты куришь.

– Алан умер шесть лет назад.

Кивнув, Курц уставился на мелькающие мимо поля.

– Наверное, за эти одиннадцать лет я бы могла пару раз тебя навестить, – сказала Арлин. – Чтобы как-то тебя поддержать.

Курц удивленно посмотрел на нее.

– Зачем? Время быстрее бы не прошло.

Арлин пожала плечами.

– Естественно, я прослушала твоё сообщение на автоответчике. Но с чего ты решил, что я после стольких лет обязательно встречу тебя...

– Если бы не встретила, ничего страшного не произошло бы, – заметил Курц. – От Батавии до Буффало по-прежнему ходят автобусы.

Докурив сигарету, Арлин выбросила окурки в окно.

– Рэйчел, дочь Сэм...

– Знаю.

– В общем, её бывший муж получил право опеки. Он по-прежнему живет в Локпорте. Я думала, ты захочешь...

– Я знаю, где он живет, – остановил её Курц. – В тюрьме Аттика тоже есть компьютеры и телефонные справочники.

Кивнув, Арлин сосредоточилась на дороге.

– Ты работаешь в какой-то юридической конторе в Чиктоваге?

– Да. Даже не в одной, а сразу в трех. Две оказывают услуги тем, кто пострадал от несчастных случаев, а одна связана с аукционами.

– То есть тебя можно считать оперившимся секретарем юридической конторы?

Арлин снова пожала плечами.

– На самом деле я набираю на компьютере тексты, звоню по телефону, время от времени ищу в Интернете какой-нибудь юридический мусор. Наши так называемые юристы настолько бедны, что не могут позволить себе покупать юридическую литературу.

– Тебе нравится твоя работа? – спросил Курц.

Арлин не ответила на его вопрос.

– Сколько тебе платят? – не сдавался Курц. – Две тысячи в месяц или около того?

– Больше, – сказала Арлин.

– Что ж, я добавлю пять сотен к тому, что ты получаешь.

Она презрительно усмехнулась.

– И что я должна делать?

– То же самое, что и делала. Только придется больше работать с компьютером.

– Джо, чтобы тебе вернули твою лицензию частного детектива, должно произойти чудо.

Или ты отложил на черный день приличную сумму и можешь платить мне по три тысячи в месяц?

– Для того чтобы заниматься расследованиями, вовсе необязательно иметь лицензию. А чем тебе платить – это уже моя забота. Ты знаешь, если я сказал, что буду платить, значит буду. Как думаешь, мы сможем снять помещение под контору рядом с нашим старым местечком на Восточной Чипьюа?

Арлин снова рассмеялась.

– Восточная Чипьюа сейчас совсем облагородилась. Ты эти места теперь не узнаешь. Роскошные бутики, ресторанчики со столиками на улице, магазины марочных вин и дорогих сыров. Арендная плата взлетела до небес.

– Проклятие, – выругался Курц. – Ладно, подойдет любое помещение недалеко от центра. Черт, да хоть подвал, лишь бы в нем было электричество и несколько телефонных линий.

Съехав с автострады, Арлин заплатила за проезд и повернула на юг.

– И куда ты собираешься направиться сегодня?

– Подойдет мотель «Шестерка» или любое другое недорогое место в Чиктоваге.

– Почему обязательно в Чиктоваге?

– Завтра утром я позаимствую твою машину, и тебе будет удобнее заехать за мной по дороге на работу. Можешь завтра же утром предупредить о том, что собираешься увольняться, и собрать свои вещи. Вечером я за тобой заеду, и мы начнем искать помещение под офис.

Арлин закурила новую сигарету.

– Джо, ты такой заботливый.

Курц молча кивнул.

Глава 3

Орчард-Парк представляет собой престижный район неподалеку от стадиона «Биллз». Машина Арлин – обыкновенный «Бьюик» – была оснащена навигационной системой джи-пи-эс с жидкокристаллическим экраном на приборной панели, но Курц и не думал ее включать. Он запомнил дорогу, и на всякий случай у него была с собой старая дорожная карта. Курц недоумевал, что за чертовщина произошла за минувшее десятилетие со способностью людей ориентироваться на местности, если им требовалось столько электронных призмбасов только для того, чтобы не заблудиться.

Большинство коттеджей в Орчард-Парке принадлежало представителям верхушки среднего класса, но встречались и настоящие особняки, обнесенные каменными заборами с металлическими воротами. Свернув к одному из таких особняков, Курц назвал свое имя в переговорное устройство у решетки ворот и получил приказ подождать. Видеокамера, установленная на мачте над воротами, прекратила описывать медленные дуги и уставилась прямо на него. Курц не обращал на нее внимания.

Ворота открылись, и к нему вышли три типа с внешностью культуристов в голубых куртках и серых брюках.

– Можете оставить машину здесь, – сказал самый благообразный из троих, знаком приглашая Курца выйти из машины.

Его обыскали, очень тщательно, даже ощупали пах, а затем заставили расстегнуть рубашку, убеждаясь, что на нем нет никаких проводов. Потом Курцу предложили сесть в гольфкар и повезли по длинной петляющей дорожке к дому.

Курц не обратил на здание никакого внимания. Это был обычный кирпичный особняк, с охранными системами, чуть более серьезными по сравнению с обычными. С одной стороны к нему был пристроен гараж на четыре машины, но «Ягуар», «Мерседес», «Хонда С2000» и «Кадиллак» стояли вдоль дороги.

Водитель в голубой куртке остановил тележку, и два появившихся охранника провели Курца вокруг дома к бассейну.

Хотя на дворе уже стоял октябрь, бассейн по-прежнему был наполнен водой, в которой не плавали опавшие листья. За столиком на берегу бассейна сидели пожилой мужчина в пестром кашемировом халате и еще один мужчина средних лет, с большой лысиной, в сером костюме. Они пили кофе из хрупких фарфоровых чашечек. Когда Курц в сопровождении двух «нянек» подходил к столику, лысый наполнял чашки из серебряного кофейника. Четвертый телохранитель, в обтягивающих штанах и майке под голубой курткой, стоял за спиной лысого, скрестив руки на поясе.

– Присаживайтесь, мистер Курц, – предложил старик. – Надеюсь, вы мне простите то, что я не встаю. Старая травма.

Курц сел.

– Кофе будете? – предложил старик.

– Обязательно.

Лысый налил еще одну чашку, но было очевидно, что это не слуга. Перед ним на столике лежал дорогой серебристый чемоданчик.

– Меня зовут Байрон Татрик Фарино, – представился старик.

– Я знаю, кто вы такой, – отозвался Курц.

Старик едва заметно улыбнулся.

– Мистер Курц, у вас есть имя?

– А разве мы собираемся перейти на «ты», Байрон?

Улыбка погасла.

– Выбирайте выражения, Курц! – резко заметил лысый.

– Заткнись, консьильеро¹. – Курц не отрывал взгляда от лица старика. – Я пришел говорить с мистером Фарино.

– Совершенно верно, – подтвердил Фарино. – Но вы должны понять, что эта встреча – любезность с моей стороны, и она бы не состоялась, если бы вы в свое время не... гм... не оказали нам одну услугу, касающуюся моего сына.

– Да, я не допустил того, чтобы Скэга² изнасиловали в душе Али и его шайка, – сказал Курц. – Точно. Всегда пожалуйста. Но я пришел к вам по делу.

– Вы хотите получить компенсацию за то, что помогли молодому Стивену? – спросил адвокат, открывая чемоданчик.

Курц покачал головой. Он по-прежнему смотрел только на Фарино.

– Может, Скэг рассказал вам, что я могу предложить.

Фарино пригубил кофе. Руки старика были почти такими же прозрачными, как дорогой фарфор.

– Да, Стивен передал через своего адвоката, что вы хотите предложить нам свои услуги. Но что вы можете предложить такого, чего у нас до сих пор нет, мистер Курц?

– Расследования.

Фарино кивнул, но на лице адвоката появилась неприятная усмешка.

– В свое время вы были частным детективом, Курц, но вам больше никогда не получить лицензию. Вы же освобождены условно-досрочно, черт побери. Зачем нам нанимать убийцу, отсидевшего срок, навсегда лишённого права заниматься частным сыском?

Курц посмотрел на адвоката.

– Ты Майлз, – сказал он. – Скэг про тебя рассказывал. Он сказал, что ты любишь молодых мальчиков и чем старше и дряблее ты становишься, тем более молодые тебе нужны.

Адвокат заморгал. Его левая щека залилась краской, словно Курц дал ему пощечину.

– Карл, – произнес он.

Громила в обтягивающих штанах расплел руки и шагнул вперед.

– Если вы не хотите расстаться с Карлом, придержите его за поводок, – сказал Курц.

Мистер Фарино поднял руку. Карл остановился. Фарино положил испещренную синими прожилками руку на ладонь адвоката.

– Леонард, – сказал он, – прояви терпение. Мистер Курц, зачем эти дерзкие выходки?

Курц пожал плечами.

– Я до сих пор еще не выпил свой утренний кофе.

Он поднес чашку к губам.

– Мы готовы вознаградить вас за то, что вы помогли Стивену, – сказал Фарино. – Пожалуйста, примите это как...

– За тот случай платить мне не надо, – сказал Курц. – Но я хочу помочь вам решить вашу главную проблему.

– Какую проблему? – спросил поверенный Майлз.

Курц снова перевел взгляд на него.

– Пропал ваш казначей, некий Бьюэлл Ричардсон. Эту новость нельзя было считать приятной даже в лучшие времена для такой семьи, как ваша; но с тех пор как мистера Фарино вынудили... уйти на покой... вы толком не знаете, что происходит вокруг, мать вашу. Быть может, Ричардсона заграбастало ФБР и спрятали его в каком-то охраняемом доме, и сейчас он выкладывает все, что у него на душе. Возможно, его пришила семья Гонзага, вторая по значимости семья Западного Нью-Йорка. А может, Ричардсон подался в свободное плавание и со

¹ Consigliere (*итал.*) – «советник», часто «советник в мафии». – Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.

² Прозвище Скэг – от англ. Skag (жаргон.): 1) гнилой мужик или отвратительная женщина; 2) героин или другой наркотик.

дня на день придет вам письмо с уведомлением, а также со своими требованиями. Было бы очень неплохо заранее узнать, что к чему, и подготовиться.

– С чего вы взяли... – начал Майлз.

– К тому же вам оставили только одно дело – контрабанду через аэропорт «Ла-Гуардия», с юга через Флориду и с севера через Канаду, – продолжал Курц, обращаясь к Фарино. – Но еще до исчезновения Ричардсона кто-то повадился регулярно обчищать ваши грузовики.

– Почему вы полагаете, что мы сами не сможем с этим разобраться? – В голосе Майлза прозвучало напряжение, но адвокат держал себя в руках.

Курц не отрывал взгляда от старика.

– Раньше это не составило бы для вас никаких проблем, – сказал он. – Но кому вы можете доверять сейчас?

Дрожащей рукой Фарино опустил чашку на блюдце.

– Что вы предлагаете, мистер Курц?

– Я буду вести для вас расследование. Я найду Ричардсона. При возможности верну его вам. Я выясню, связано ли нападение на грузовики с его исчезновением.

– Ваш гонорар? – спросил Фарино.

– Четыреста долларов в день плюс накладные расходы.

Адвокат Майлз презрительно фыркнул.

– Расходы будут небольшие, – продолжал Курц. – Тысяча долларов задатка. И премия, если я успею вовремя вернуть вашего счетовода.

– Каков размер премии? – поинтересовался Фарино.

Курц допил кофе. Ароматный и крепкий. Он встал.

– Это я оставлю на ваше усмотрение, мистер Фарино. А теперь мне пора идти. Что вы скажете?

Фарино потер рукой бесцветные губы.

– Леонард, выпиши чек.

– Сэр, по-моему...

– Леонард, выпиши чек. Вы сказали, тысяча долларов аванса, мистер Курц?

– Наличными.

Отсчитав деньги новыми хрустящими пятидесятками, Майлз положил их в белый конверт.

– Надеюсь, мистер Курц, вы понимаете, – голос старика вдруг стал холодным и бесстрастным, – что в подобных делах санкции за неудачный исход редко ограничиваются вычетами из жалованья.

Курц кивнул.

Достав из чемоданчика адвоката ручку, старик черкнул на чистой визитной карточке.

– Если у вас будут какие-либо вопросы или информация, звоните по этому телефону, – сказал он. – Никогда больше не приезжайте в этот дом и не пытайтесь связаться со мной напрямую.

Курц взял карточку.

– Дэвид, Чарльз и Карл отвезут вас к вашей машине, – добавил Фарино.

Посмотрев Карлу прямо в глаза, Курц улыбнулся впервые за утро.

– Если хотите, ваши легавые могут идти следом за мной, – произнес он. – Но я пойду пешком. И пусть они не приближаются ко мне ближе чем на десять шагов.

Глава 4

Теперь закусочная «Тедс» появилась и в Орчард-Парке, еще одна была в Чиктоваге, но Курц поехал в центр города в старое заведение на Портер-стрит, неподалеку от моста Мира. Он заказал три сосиски в тесте со всеми добавками, в том числе горячим соусом, тарелочку лука колечками и кофе и отнес картонный поднос на столик у ограды, выходящей на реку.

Кроме него, в заведении обедали несколько семейств, пара бизнесменов и случайные прохожие. С огромного старого клена бесшумно опадали красные листья. С моста Мира доносился приглушенный шум транспорта.

В Аттике можно было свободно достать почти все. К тому немногому, с чем возникали проблемы, относились сосиски с тестом от «Тедса». Курц помнил зимние ночи в прежние времена, до того как в «Тедсе» на Шеридан-стрит открыли новый зал: Буффало, полночь, десять градусов ниже нуля, сугробы высотой три фута и очередь в тридцать человек на улице, ожидающая хот-доги.

Поев, Курц направился на север по скоростной магистрали Скаджаквада до Янгмена, свернул на восток на шоссе на Миллерспорт и проехал по нему миль пятнадцать до Локпорта. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы найти маленький дом на Лилли-стрит. Курц остановился напротив и несколько минут сидел в машине. Для Локпорта дом был совсем обычным: уютное старинное здание из белого кирпича в тихом уголке. На улицу свешивались раскидистые деревья, ронявшие желтые листья. Курц смотрел на окна спален второго этажа, гадая, какая из них принадлежит Рэйчел.

Затем он поехал к соседней средней школе. Не стал останавливаться, а медленно проехал мимо. Полицейские, дежурящие рядом со школами, бывают очень нервными, и они не станут церемониться с убийцей, совсем недавно получившим условно-досрочное освобождение и еще не отметившимся в полицейском участке.

Это была обычная школа. Курц не смог бы ответить, что он ожидал увидеть. В средних школах ученики не выходят во время перемены гулять на улицу. Взглянув на часы, Курц поехал назад в город, для экономии времени воспользовавшись шоссе номер 990.

Арлин провела его в третьесортный магазинчик, торгующий видеопродукцией. Здание находилось в полквартале от автобусной остановки. Под ногами хрустели осколки бесчисленного количества раздавленных ампул из-под крэка. В углу у двери валялся использованный одноразовый шприц. Выходящее на улицу окно было покрашено почти полностью, но незакрашенная полоска стекла выше уровня глаз оказалась настолько грязной, что снаружи все равно никто не смог бы заглянуть внутрь.

Внутри заведение походило на все третьесортные магазинчики видеопродукции, которые приходилось видеть Курцу: за прилавком скучающий прыщавый парень, читающий спортивную газету, трое-четверо пуганых покупателей, изучающих журналы и видеокассеты на полках, девица в черной коже, не спускающая с них глаз, и широкий ассортимент вибраторов, фаллоимитаторов и прочих секс-игрушек за стеклянной витриной. Единственным отличием было то, что теперь в дополнение к видеокассетам появились видеодиски.

– Привет, Томми, – сказала Арлин, обращаясь к парню за прилавком.

– Привет, Арлин, – ответил Томми.

Курц огляделся вокруг.

– Очень мило, – сказал он. – Мы уже начинаем закупать подарки к Рождеству?

Арлин провела его по узкому коридору мимо кабинок с видеомониторами, мимо туалета с написанным от руки предостережением «ДАЖЕ НЕ ДУМАЙТЕ ДЕЛАТЬ ЭТО ЗДЕСЬ», через занавес из бус, через дверь без вывески и вниз по крутой лестнице.

В длинном узком подвале было сыро и пахло крысиным пометом. Помещение делилось надвое невысокой перегородкой. В одной половине вдоль трех стен до сих пор стояли пустые книжные шкафы. Вторую занимали длинные щербатые столы, а в глубине стоял металлический шкаф.

– Как с запасным выходом? – спросил Курц.

– С этим все в порядке, – ответила Арлин.

Она показала ему черный ход, отделенный от видеомагазина: крутая каменная лестница, стальная дверь, выходящая в переулок. Вернувшись в подвал, Арлин отодвинула один из книжных шкафов, открывая другую дверь, запертую на висячий замок. Достав из сумочки ключ, она отперла замок. За дверью оказалась пустующая подземная автостоянка.

– Когда здесь размещался книжный магазин, – пояснила Арлин, – в отделе научной фантастики продавали героин. Ребятам нравилось иметь несколько выходов.

Осмотревшись вокруг, Курц кивнул.

– Телефонные линии?

– Пять. Полагаю, был очень большой спрос на фантастику.

– Пять нам не понадобится, – сказал Курц. – Но три – это в самый раз. – Он проверил электрические розетки на полу и стенах. – Да, передай Томми, это как раз то, что нужно.

– Окон нет.

– Это не важно, – заметил Курц.

– Для тебя, – возразила Арлин. – Если все пойдет как раньше, ты все равно будешь здесь несчастным гостем. А мне придется смотреть на эти стены девять часов в день. Я даже не буду знать, какое на дворе время года.

– Это же Буффало, – сказал Курц. – Считай, что зима.

Он отвез Арлин домой и помог перенести картонные коробки с ее личными вещами из юридических контор. Их было немного. Фотография в рамке, на которой были изображены Арлин и Алан. Еще одна фотография их умершего сына. Зубная щетка и прочая мелочь.

– Завтра мы берем напрокат компьютеры и покупаем телефонные аппараты, – сказал Курц.

– О? На какие деньги?

Достав из нагрудного кармана пиджака белый конверт, Курц отсчитал ей триста долларов пятидесятками.

– Ого! – недовольно заметила Арлин. – Этого хватит только на то, чтобы купить трубку от телефона. И то вряд ли.

– У тебя наверняка отложено что-нибудь на черный день, – сказал Курц.

– Ты берешь меня в долю?

– Нет, – ответил он. – Я беру у тебя в долг под обычный процент.

Вздохнув, Арлин кивнула.

– И сегодня вечером мне понадобится твоя машина.

Арлин достала из холодильника пиво. Не предлагая Курцу, она плеснула себе в чистый стакан и закурила сигарету.

– Джо, ты хоть понимаешь, как скажется отсутствие машины на моей личной жизни?

– Нет, – Курц задержался в дверях. – А как?

– Никак, черт побери.

Глава 5

Наблюдая за гипнотизирующим зрелищем миллионов тонн воды, перекатывающихся через зеленовато-голубой край и срывающихся в бесконечность, адвокат Леонард Майлз вспомнил то, что сказал о Ниагарском водопаде Оскар Уайльд: «Для большинства людей это оказывается вторым жестоким разочарованием медового месяца». Или что-то в таком духе. Майлз не был специалистом по Уайльду.

Майлз наблюдал водопад с американской стороны, – бесспорно, вид отсюда значительно уступал виду с канадской стороны, – но у него не оставалось выбора, поскольку те двое, с которыми он встречался, скорее всего, не смогли бы въехать в Канаду легально. Как и большинство жителей Буффало, Майлз редко обращал внимание на Ниагарский водопад, однако это было то самое общественное место, где адвокат может встретиться с одним из своих клиентов, – а Малькольм Кибунт являлся его клиентом – к тому же отсюда недалеко до дома Майлза на Большом острове. И Майлз мог не опасаться случайно наткнуться у водопада вечером в будний день на кого-нибудь из семьи Фарино или, что гораздо важнее, на одного из своих коллег.

– Подумываешь о том, чтобы сигануть вниз, советник? – раздался за спиной вкрадчивый голос, и на его плечо опустилась тяжелая рука.

Майлз вздрогнул. Медленно обернувшись, он увидел перед собой ухмыляющееся лицо и сверкающий бриллиантовый зуб Малькольма Кибунта. Малькольм продолжал крепко сжимать плечо адвоката, словно раздумывая, не перебросить ли Майлза через ограждение.

И Майлз знал, что ему это ничего не стоит. При встрече с Малькольмом Кибунтом у него всегда выступали мурашки, а его дружка Потрошителя он просто боялся до смерти. Поскольку последние три десятилетия своей жизни Леонард Майлз проводил немало времени среди людей со статусом профессиональных убийц и наркоторговцев, он привык к подобным чувствам. Глядя на стоящих перед ним приятелей, Майлз не мог решить, у кого более своеобразная внешность: у Малькольма – негра шести футов и трех дюймов роста, атлетического телосложения, с бритой головой, восемью золотыми перстнями, шестью бриллиантовыми серьгами, передним зубом в алмазных блестках и в неизменной кожаной куртке, или у Потрошителя – молчаливого бесцветного альбиноса с безумными глазами наркомана, похожими на отверстия, прожженные в белой пластмассе, и с длинными сальными волосами, спадающими на мешковатый свитер.

– Какого хрена тебе нужно, Майлз? – спросил Малькольм, отпуская адвоката. – Заставил нас притащиться черт знает куда, мать твою!

Майлз любезно улыбнулся, подумав: «Господи Иисусе, и этот сброд я вынужден защищать в суде!» Правда, интересы Потрошителя он не представлял ни разу. Майлз понятия не имел, задерживала ли его когда-нибудь полиция. Он даже не знал, как его настоящая фамилия. Несомненно, Малькольм Кибунт было именем вымышленным, но Майлз уже защищал верзилу-негра – слава богу, успешно – в двух процессах по обвинению в убийстве (в одном случае Малькольм задушил свою жену), одном деле по обвинению в нападении на полицейского, одном деле с наркотиками, одном изнасиловании несовершеннолетней, одном обычном изнасиловании, четырех случаях нанесения тяжких телесных повреждений, двух поджогах и нескольких нарушениях правил парковки автомобиля. Адвокат понимал, что это отнюдь не сделало их друзьями. Более того, он снова подумал, что Малькольм без колебаний сбросил бы его в ревущий водопад, если бы не два обстоятельства: во-первых, Майлз работал на семью Фарино, и хотя сейчас у нее осталась лишь бледная тень былого величия, это имя по привычке вызывало уважение; и, во-вторых, Малькольм Кибунт понимал, что ему могут снова понадобиться профессиональные услуги Майлза.

Отойдя подальше от туристов, Майлз предложил парочке присесть на скамейку. Малькольм сел, сам Майлз тоже сел. Потрошитель остался стоять, уставившись в никуда. Щелкнув замками, Майлз открыл свой чемоданчик и протянул Малькольму папку.

– Узнаешь этого типа? – спросил он.

– Не-ет, – протянул Малькольм. – Но фамилия знакома, мать его.

– Потрошитель, а ты? – продолжал Майлз.

– Потрошитель его тоже не знает, – ответил за друга Малькольм.

Потрошитель даже не посмотрел в сторону фотографии. Он до сих пор еще ни разу не взглянул на Майлза. Не смотрел он и на ревущий водопад.

– И ты поднял нас в такую рань и притащил сюда, мать твою, только чтобы показать нам фотографию какого-то белого ублюдка? – спросил Малькольм.

– Он только что вышел из...

– Курц, – прервал его Малькольм, – по-немецки значит «короткий», Майлз, мой мальчик. Этот козел коротышка?

– Я бы так не сказал, – возразил Майлз. – А откуда ты знаешь, что «курц» по-немецки значит «короткий»?

Малькольм бросил на него такой взгляд, от которого человек со слабыми нервами наде-
лал бы в штаны.

– Я езжу на «Мерседесе СЛК», мать твою, мой мальчик. Вот что означает долбаная буква «К», мать твою, в «СЛК», мать твою, понял, осел? «Короткий». А ты считал меня неграмотным, мать твою, лысый козел, кусок дерьма, сраный ублюдок, хренов умник?

Все это было произнесено без жара и без выражения.

– Нет-нет, – поспешно замахал руками Майлз, словно отгоняя назойливых насекомых. Он посмотрел на Потрошителя. Тот, казалось, совершенно не прислушивался к разговору. – Нет, просто я был приятно удивлен. – Он повернулся к Малькольму. – СЛК – замечательная машина. Я хотел бы иметь такую.

– Неудивительно, – небрежно заметил Малькольм. – Ездишь в американской консервной банке «Кадиллак», мать твою, – не машина, а дерьмо.

Майлз кивнул и одновременно пожал плечами.

– Да, ты прав. Ну да ладно. Так или иначе этот Курц появился домой к мистеру Фарино с рекомендациями от Скэга...

– Точно, вот где я слышал эту фамилию, мать твою, – прервал его Малькольм. – В Аттике. Козел по фамилии Курц замочил Али, предводителя братства «Мечеть смерти» в блоке Д, где-то год назад. Братья обещали десять тысяч тому, кто пришьет этого белого ублюдка, и все до одного нигеры в Аттике принялись точить перья из ложек и арматуры, мать твою. Даже кое-кто из охранников разевал рот на эти бабки, но каким-то образом этому ублюдку Курцу удалось выбраться живым и невредимым. Если это тот самый Курц... Как думаешь, Потрошитель, тот самый?

Потрошитель повернул свое помятое, бесцветное лицо в сторону друга, но ничего не сказал. Майлз заглянул в бледно-серые глаза на его мертвом лице, и его передернуло.

– Да, я тоже так думаю, – сказал Малькольм. – Почему ты решил показать нам это дерьмо, Майлз?

– Курц собирается работать на мистера Фарино.

– На мистера Фарино, – жеманным фальцетом передразнил его Малькольм. Он сверкнул бриллиантовым зубом Потрошителю, словно приглашая его порадоваться какому-то остроумному замечанию. Смех у него был глубоким, низким, выводящим из себя. – Твой мистер Фарино – высохший кусок дерьма, сраный макаронник со сморщенными яйцами. Он больше не заслуживает «мистера», Майлз, мой мальчик.

– Так или иначе, – продолжал Майлз, – этот Курц...

– Скажи, где живет твой Курц, и мы с Потрошителем получим десять тысяч, обещанные «Мечетью смерти».

Адвокат покачал головой:

– Я не знаю, где он живет. Курц вышел из Аттики всего сорок восемь часов назад. Но он хочет кое-что расследовать для мистера... для семьи Фарино.

– Расследовать? – переспросил Малькольм. – За кого этот ублюдок себя принимает, за Шерлока мать его Холмса?

– В свое время он работал частным детективом, – Майлз кивнул на папку, словно приглашая Малькольма прочитать несколько вложенных в нее страниц. Увидев, что тот не собирается этого делать, Майлз продолжал: – Одним словом, этот Курц хочет внимательнее приглядеться к исчезновению Бьюэлла Ричардсона, а также к нападениям на грузовики.

Малькольм снова сверкнул своим бриллиантовым зубом.

– Ха! Теперь я понимаю, почему ты ни свет ни заря приперся на эту площадку для ублюдков-туристов. Майлз, мальчик мой, наверное, ты, услышав об этом Курце, обдристал все штаны.

Майлз обратил внимание, что Малькольм уже второй раз жалуется, как сейчас рано, но не стал говорить, что времени уже три часа дня. Он сказал:

– Нам ведь не хочется, чтобы этот Курц совал нос в эти дела, правда, Малькольм?

Малькольм Кибунт торжественно поджал губы и покачал сверкающей бритой головой:

– Ай-ай, нет, Майлз, мой мальчик. Нам не хочется, чтобы кто-то совал свой сраный нос в то, за что мы можем оторвать нашему сраному адвокату голову, правда, Потрошитель?

– Нет, – подтвердил Потрошитель голосом, начисто лишенным человеческих интонаций. – Не хочется, правда?

При звуках его голоса Майлз буквально подпрыгнул. Повернувшись, он посмотрел на Потрошителя, по-прежнему смотревшего в никуда. Казалось, слова вырвались у того из живота или из груди.

– Сколько? – спросил Малькольм, отбросив игривые нотки.

– Десять тысяч, – ответил Майлз.

– Пошел на хрен. Даже с десятью «Мечетями смерти» этого недостаточно.

Майлз покачал головой:

– Это надо сделать тихо. Ни слова братьям «Мечети». Курц должен просто исчезнуть.

– Ис-чез-нуть, – раздельно повторил Малькольм, растягивая слоги. – Сделать так, чтобы какой-то ублюдок исчез, гораздо труднее, чем просто его пришить. Мы берем за это пятьдесят штук.

Майлз продемонстрировал самую презрительную профессиональную улыбку.

– Мистер Фарино мог бы пригласить лучшего специалиста за гораздо меньшую сумму.

– Мистер Фарино, – передразнил его Малькольм, – никого и никуда не пригласит, правда, Майлз, мальчик мой? Этот Курц – твоя проблема, я прав?

Майлз неопределенно махнул рукой.

– К тому же лучший специалист мистера Фарино может поцеловать мою черную задницу. Если он встанет у меня на пути, ему придется поесть собственного дерьма, а затем сдохнуть, – продолжал Малькольм.

Майлз промолчал.

– Потрошитель хочет знать, – сказал Малькольм, – есть ли у тебя хоть что-нибудь на этого Курца? Где он живет? Где работает? Есть ли у него друзья? Или у тебя совсем ничего нет... я прав? И нам с Потрошителем перед тем, как пришить этого ублюдка, придется сначала играть в частных детективов?

– Вот в этой папке, – Майлз кивнул на нее, – есть кое-что. Адрес конторы, которая была в свое время у Курца на Чипьюа. Фамилия его бывшей помощницы, убитой... фамилия и насто-

ящий адрес его бывшей секретарши и его немногих знакомых. Мистер Фа... семья попросила меня проверить этого Курца, когда Скэг передал из тюрьмы, что Курц хочет встретиться. Информации мало, но, может, она окажется вам полезна.

– Сорок, – сказал Малькольм. Это было не предложение, а окончательное решение. – То есть всего по каких-то двадцать тысяч Потрошителю и мне. Кроме того, Майлз, мальчик мой, нам очень не хочется разочаровывать «Мечеть».

– Хорошо, – согласился адвокат. – Четверть в качестве задатка. Как обычно.

Оглянувшись, он убедился, что поблизости нет никого кроме туристов, и протянул второй конверт с наличными за два дня.

Широко улыбнувшись, Малькольм пересчитал деньги и показал их Потрошителю, поглощенному созерцанием белки, прыгающей рядом с урной.

– Как всегда, тебе будут нужны фотографии? – спросил Малькольм, убирая конверт в карман черной кожаной куртки.

Майлз кивнул.

– А что ты делаешь с этими «поляроидами», Майлз, мальчик мой? Занимаешься онанизмом, глядя на них?

Адвокат пропустил его вопрос мимо ушей.

– Малькольм, ты уверен, что вы справитесь?

Какое-то мгновение ему казалось, что он зашел слишком далеко. По лицу Малькольма рябью пробежали разнообразные чувства, словно порыв ветра потрепал флаг. К счастью для Майлза, громила-негр решил остановиться на веселье.

– О да-а, – протянул Малькольм, взглядом приглашая Потрошителя разделить его хорошее настроение. – Мистер Курц – уже покойник.

Глава 6

Лакаванна – городок, расположенный к югу от Буффало, как центр сталелитейной промышленности поднял лапки вверх еще за несколько лет до того, как Курца отправили в места не столь отдаленные.

Сейчас, направляясь на юг по поднятой над землей скоростной автостраде, он чувствовал себя героем научно-фантастического фильма, оказавшимся на мертвой индустриальной планете. Под автострадой простирались заброшенные и пустые прокатные станы, заводы, склады из почерневшего кирпича, автостоянки, железнодорожные пути, ржавые вагоны, мертвые трубы и пустующие дома рабочих. По крайней мере, Курц надеялся, что в этих убогих лачугах, крытых рубероидом, стоящих вдоль темных улиц с выбитыми фонарями, уже никто не живет.

Съехав с автострады, Курц проехал несколько кварталов мимо хибар и дворов, обнесенных высокими заборами, и свернул к одному из заброшенных сталелитейных заводов. Висячий замок на воротах был отперт. Въехав во двор, Курц закрыл за собой тяжелые ворота и проехал до конца огромной автостоянки, построенной когда-то для шести или даже семи тысяч машин. Теперь на ней стояла лишь одна машина: ржавый старый «Форд»-пикап с жилым отсеком в задней части. Поставив «Бьюик» Арлин рядом, Курц направился по длинной темной дорожке к главному цеху завода.

Широкие ворота были распахнуты настежь. Шаги Курца гулко разносились под высокими сводами. Он прошел мимо гор шлака, раскрытых зевов холодных печей, висящих над головой плавильных тигелей размером с дом, порталных кранов и лебедок, с которых давно было снято все хоть сколько-нибудь стоящее, и огромного количества других громадных ржавых конструкций, чье назначение он не мог определить. Единственными пятнами света были горящие кое-где бледным желтым светом лампочки дежурного освещения.

Курц остановился под тем, что когда-то было главным центром управления, поднявшимся на тридцать футов над полом цеха. Сквозь грязные стекла, из которых состояли три стены огромной коробки, пробивался тусклый свет. Вышедший на железный балкон старик крикнул:

– Забирайся наверх!

Курц поднялся по стальной лестнице.

– Привет, Док! – поздоровался он, когда они прошли в неярко освещенный центр управления.

– Здорово, Курц, – отозвался Док.

Старик ступил на территорию неопределенного возраста, где некоторые люди могут оставаться десятилетиями, – за шестьдесят пять, но определенно еще нет восьмидесяти пяти.

– Я очень удивился, увидев, что на месте твоего ломбарда теперь кафе-мороженое, – сказал Курц. – Ни за что бы не подумал, что ты свернешь свое дело.

Док кивнул:

– В девяностые экономика нашей страны слишком шла в гору, мать ее. Но теперь мне больше по душе работа ночным сторожем. Можно не бояться, что какие-нибудь обкурившиеся травки кретины решат меня пришить. Чем могу тебе служить, Курц?

Это качество нравилось Курцу в Доке больше всего. Они со стариком не виделись больше одиннадцати лет, но Док уже успел полностью исчерпать весь свой запас пустых любезностей.

– Две штуковины, – сказал Курц. – Полуавтоматический пистолет и револьвер, который можно тайно носить.

– Чистые?

– Самые что ни на есть.

– Что ж, можно и чистые. – Отперев дверь, Док наведалься в соседнюю комнату и, вернувшись через пару минут, положил на захламленный стол несколько металлических чемоданчиков и маленьких коробочек. – Помню твою девятимиллиметровую «Беретту», которую ты так любил. Что стало с этим чудесным оружием?

– Я похоронил его с почестями, – честно признался Курц. – Что у тебя есть для меня?

– Ну, для начала взгляни вот на это, – Док открыл один из серых чемоданчиков и достал оттуда черный полуавтоматический пистолет.

– «Хеклер и Кох», под тактический патрон УСП 45-го калибра. Совершенно новый. Замечательная игрушка. На затворной раме паз для установки лазерного целеуказателя или оптического прицела. Удлиненный ствол с резьбой для глушителя или пламегасителя.

Курц покачал головой:

– Мне не нравятся пластмассовые пистолеты.

– Он из полимера, – поправил его Док.

– Из пластмассы. Это мы с тобой, Док, состоим преимущественно из полимеров. А этот пистолет сделан из пластмассы и стекловолокна. Таким впору пользоваться Люку Скайуокеру из «Звездных войн».

Док пожал плечами.

– К тому же, – продолжал Курц, – я не пользуюсь лазерными целеуказателями, оптическими прицелами, глушителями и пламегасителями и не люблю оружие немецкого производства.

Убрав «Хеклер и Кох», Док раскрыл другой чемоданчик.

– А вот это уже хорошо, – заметил Курц, доставая пистолет.

Это оружие было темно-серым, почти черным, и было сделано преимущественно из штампованной стали.

– «Кимбер», спецзаказ под патрон АКП 45-го калибра, – сказал Док. – Совсем недолго принадлежал одной очаровательной пожилой даме из Тонаванды, которая лишь раз-два в месяц ходила с ним в тир.

Оттянув затвор назад, Курц убедился, что в патроннике пусто, достал обойму на семь патронов, проверил, что она пустая, вставил ее на место, отпустил затвор, прицелился.

– Хорошая балансировка, – сказал он. – Но у него очень длинный направляющий стержень возвратной пружины.

– Это лучшая конструкция, – возразил Док.

– Повышает риск осечки, – прокомментировал Курц.

– Только не у «Кимбера». Как я уже сказал, пистолет сделан на заказ.

– У меня никогда не было оружия, сделанного на заказ, – сказал Курц.

Он несколько раз засунул пистолет за пояс и быстро выхватил его.

– Прицел конструкции Маккормика, – сказал Док.

– Задевает за одежду, – нахмурился Курц. – Боевое оружие следует оснащать скользящим прицелом.

Док пожал плечами.

– Сейчас такое уже не найдешь.

– Я предпочитаю самовзводный курок.

– Да, помню, – отозвался Док. – Ты всегда носил оружие с патроном в патроннике, поставленное на предохранитель. Но у «Кимбера» такой плавный спуск.

Курц несколько раз взвел курок и нажал на спусковой крючок. Наконец он кивнул.

– Сколько?

– Всего пару лет назад новый он стоил 675 долларов.

– Столько заплатила за него та пожилая дама из Тонаванды, – сказал Курц. – Сколько?

– Четыреста.

Курц снова кивнул:

– Мне надо из него пострелять.

– Для этого здесь и навалены груды шлака, – сказал Док. – Сейчас принесу бумажные мишени и несколько коробок патронов «Блэк хилл» с пулей весом 185 гран.

Курц покачал головой.

– Я предпочитаю пули весом двести-триста гран.

– Такие тоже имеются.

– Еще мне понадобится кожа.

– Есть отличная кобура, какой пользуются агенты ЦРУ. Носится на поясе сзади. Ею немного попользовались, но на самом деле кожа только стала мягче. Чистая. Двадцать зеленых.

– Беру, – сказал Курц.

– Вот и отлично. Итак, с оружием для защиты дома и семьи мы разобрались. А что тебя интересует из револьверов для тайного ношения? Как ты смотришь на «Эр-лайт титан»?

– Титан? – переспросил Курц. – Ни в коем случае. Я еще не настолько стар и слаб, чтобы не иметь сил поднять два фунта качественной стали.

– По тебе видно, – сказал Док, открывая картонную коробку. – Что-либо проще, чем это, я тебе вряд ли смогу предложить, Курц. «Смит-и-Вессон специальный», модель 36.

Курц взвесил на руке револьвер, изучил пустой барабан на пять патронов, посмотрел в ствол на свет, захлопнул барабан и шелкнул курком.

– Сколько?

– Двести пятьдесят.

– Если беру оба, кобура к пистолету в подарок.

Док кивнул.

– Если всажу из этой штуковины пять пуль в трехдюймовый круг с пятидесяти футов, она меня устроит, – добавил Курц.

– Собираешься охотиться на оленей? – насмешливо осведомился Док. – На таком расстоянии тебе потребуется мешок с песком, чтобы обеспечить упор для руки. Если у револьвера длина ствола меньше двух дюймов, лучший способ охоты на оленя – подкрасться к нему, приставить дуло к брюху и лишь потом нажимать на курок.

– Мешки с песком я у тебя видел.

– Кстати насчет охоты на оленей, – сказал Док. – Ты не слышал, что тебя ищет Мэнни Левин?

– Кто такой Мэнни Левин?

– Один психопат. Брат Сэмми Левина.

– А кто такой Сэмми Левин?

– Ты хочешь спросить, кем он был, – поправил его Док. – Сэмми бесследно исчез где-то одиннадцать с половиной лет назад. Поговаривают, это ты помог ему заняться энергетическим бизнесом.

– Энергетическим бизнесом?

– Выделять метан, разлагаясь, – пояснил Док.

– Ни разу не слышал ни об одном, ни о другом, – сказал Курц. – Но на тот случай, если этот Мэнни наведается ко мне, как он выглядит?

– Представь себе актера Дэнни Де Вито, только изрядно сдавшего. И не следящего за собой. Мэнни постоянно носит с собой «Ругер Редхок» под патрон «магнум» сорок четвертого калибра и любит им пользоваться.

– Не слишком ли большой пистолет для такого коротышки? – задался вопросом Курц. – Спасибо за предупреждение.

Док снова пожал плечами.

– Сегодня тебе больше ничего от меня не понадобится?

- Мешочек с песком.
- Простой или кожаный?

Было уже за полночь, когда Курц вернулся в Чиктовагу с пистолетом 45-го калибра в кобуре на поясе за спиной, револьвером 38-го калибра в левом кармане куртки и двухфунтовым мешочком с песком в правом. Всю дорогу назад он ни разу не превысил максимально допустимую скорость. Было бы очень неприятно, если бы его остановила полиция и выяснила, что срок действия его водительского удостоверения истек восемь лет назад.

Свернув к мотелю «Шестерка», Курц заметил спортивный кабриолет с поднятым верхом, стоявший в стороне от фонарных столбов. Красная «Хонда С2000». Конечно, это могло быть случайным совпадением, но Курц не верил в случайные совпадения. Резко развернувшись, он выехал назад на бульвар.

«Хонда» зажгла фары и рванула следом.

Глава 7

Проехав мили три, Курц пришел к выводу, что водитель «Хонды» был полным идиотом. Он так здорово отставал, что Курцу пришлось несколько раз после светофоров и поворотов притормаживать, чтобы дать возможность себя догнать.

Свернув с освещенной магистрали, Курц поехал по проселочной дороге, которую помнил еще по прежним временам. Выплеснувшийся за свои пределы город еще не добрался сюда, и дорога была пустынной. Курц разогнался, и спортивному кабриолету тоже пришлось набрать скорость. Когда расстояние между машинами сократилось до сорока или пятидесяти футов, Курц вдруг резко бросил «Бьюик» на заасфальтированную развилку и со всей силы надавил на тормоз. С негодующим визгом машина пошла юзом и практически на месте развернулась на сто восемьдесят градусов. Фары осветили «Хонду», остановившуюся в двадцати футах. В салоне была видна лишь голова водителя.

Вывалившись из машины, Курц присел за левой дверцей «Бьюика» и достал «Кимбер» 45-го калибра.

Из спортивной машины вышел здоровенный верзила. Руки у него были пустыми.

– Курц, козел, выходи, мать твою!

Вздыхнув, Курц убрал пистолет в кобуру и шагнул в яркий свет фар.

– Карл, ты пожалеешь о том, что сделал.

– Черта с два пожалею, – бросил мускулистый телохранитель семьи Фарино.

– Кто тебя прислал?

– Никто меня не присылал, козел!

– В таком случае ты еще глупее, чем кажешься, – сказал Курц. – Если только это возможно.

Карл шагнул вперед. Он был в тех же обтягивающих штанах и футболке, но, несмотря на ночную прохладу, без куртки, так что была видна его мускулистая грудь.

– Не дрейфь, я без пушки!

– Ладно, – произнес Курц.

– Давай разберемся... – начал верзила.

– С чем?

– ...как мужчина с мужчиной, – закончил свою мысль Карл.

– Для этого нам не хватает одного мужчины, – заметил Курц и взглянул на часы. Дорога оставалась пустынной.

– Что? – нахмурился Карл.

– Один вопрос перед тем, как мы начнем выяснять отношения, – сказал Курц. – Как ты меня нашел?

– Просто поехал за тобой следом после того, как ты уехал от мистера Фарино.

«Проклятие, непозволительная ошибка!» – мысленно выругал себя Курц, ощутив тревогу впервые с тех пор, как узнал вылезшего из кабриолета накачанного телохранителя.

Карл сделал еще шаг вперед.

– Никто и никогда не называл меня легавым, – сказал он, разводя мускулистые руки и сжимая огромные кулаки.

– Вот как? – удивился Курц. – А я думал, ты уже к этому привык.

Карл сделал выпад.

Увернувшись, Курц ударил его мешочком с песком в левое ухо. Карл упал лицом на бампер «Бьюика», а затем свалился на асфальт. Оба раза громко хрустнули зубы. Подойдя к нему, Курц пнул его ногой в зад. Карл даже не пошевелился.

Вернувшись к «Бьюику», Курц погасил фары, затем выключил освещение спортивного кабриолета и заглушил двигатель. Закрыв дверь, он отшвырнул ключ от машины в темноту. Кряхтя от напряжения, Курц подтащил Карла к «Бьюику» и запихал его ноги под левое заднее колесо.

Сев в машину Арлин, Курц включил радио, настроенное на станцию, круглосуточно передающую блюз, и тронулся вперед. Доехав до шоссе, он зажег фары и поехал назад к мотелю «Шестерка», чтобы выписаться из него.

Глава 8

– Какая невероятная наглость! – воскликнул адвокат Леонард Майлз. – Какое немыслимое нахальство!

– Ты хочешь сказать, какая дерзость, – поправил его дон Фарино.

– Как бы там ни было, – сказал Майлз.

Их было трое, не считая говорящего скворца, хриплым голосом болтавшего в клетке среди зеленых деревьев. Фарино сидел в кресле-каталке, но, как всегда, был в костюме и при галстуке. Его двадцативосьмилетняя дочь София сидела на обтянутой зеленым шелком оттоманке под пальмой. Майлз расхаживал перед ними взад-вперед.

– Как, по-вашему, что более нагло, – спросила София, – то, что он искалечил Карла, или то, что он вчера вечером позвонил нам и сообщил об этом?

– И то, и другое, – буркнул Майлз. Остановившись, он скрестил руки на груди. – Но звонок – это уже слишком. Неслыханное самомнение!

– Я прослушала запись разговора, – возразила София. – В голосе Курца не было наглости. Скорее так звонят из прачечной и говорят, что можно забрать выстиранное белье.

Бросив взгляд на дочь Фарино, Майлз повернулся к ее отцу. Он терпеть не мог иметь дело с этой женщиной. Старший сын Фарино, Дэвид, деловой хваткой пошел в отца, но он на своем спортивном «Додже» обмотался вокруг телеграфного столба на скорости сто сорок пять миль в час. От второго сына, Скэга, не было никакого толку. Старшая дочь дона Фарино Анджелина много лет назад сбежала в Европу. То есть осталась лишь эта... девчонка.

– Так или иначе, сэр, – обратился адвокат к дону, – полагаю, мы должны известить о произошедшем Датчанина.

– Вот как? – спросил Байрон Фарино. – Ты полагаешь, Леонард, дело настолько серьезно?

– Да, сэр. Курц искалечил одного из ваших людей, а затем позвонил, чтобы похвалиться этим.

– А может, он просто хотел избавить нас от неприятностей? Представляете, если бы мы узнали о случившемся с Карлом из газет? – спросила София. – А так мы смогли прибыть на место несчастного случая первыми.

– На место несчастного случая, – повторил Майлз, не пытаясь скрыть в голосе презрение. София пожала плечами.

– Наши люди сделали так, чтобы это выглядело как несчастный случай. Это избавило нас от неприятных вопросов и расходов.

Майлз покачал головой.

– Карл был храбрым и преданным работником.

– Карл был абсолютным идиотом, – возразила София Фарино. – Судя по всему, стероиды спалили то небольшое, что было у него вместо мозга.

Майлз повернулся было к сучке, чтобы сказать ей что-нибудь резкое, но тотчас же передумал. Он промолчал, слушая, как скворец разносит в пух и прах своего невидимого собеседника.

– Леонард, – произнес дон Фарино, – что сказал нашим людям Карл, когда сегодня утром пришел в себя?

– Он ничего не смог сказать. У него перетянуты челюсти, и он не может открыть рот. Потребуется хирургическая операция, прежде чем...

– Ладно, что он написал Бадди и Фрэнку? – оборвал его дон Фарино.

Адвокат замялся.

– Карл написал, что пятеро человек Гонзаги выследили его и затем завалили, – после некоторого колебания ответил он.

Дон Фарино медленно кивнул.

– И если бы мы поверили Карлу... если бы Курц не позвонил нам вчера ночью... если бы я сегодня утром не перезвонил Тома Гонзаге, между нашими семьями могла бы начаться война, разве не так, Леонард?

Подняв руки, Майлз пожал плечами.

– Карл был сам не свой. Его мучила боль... он находился под воздействием лекарств... испугался, что мы обвиним его в случившемся...

– Он выследил этого Курца и попытался уладить свои личные счета от имени нашей семьи, – сказала София Фарино. – И не смог сделать даже это. Кого еще мы должны винить в случившемся?

Покачивая головой, Майлз бросил на дону Фарино взгляд, красноречиво говоривший: «Женщинам этого не понять».

Байрон Фарино заерзал в кресле-каталке. Было очевидно, что его мучит боль от полученного восемь лет назад огнестрельного ранения; пуля до сих пор торчала где-то рядом с позвоночником.

– Выпиши чек на пять тысяч долларов родным Карла, – сказал дон. – Кажется, у него одна мать?

– Да, сэр, – подтвердил Майлз, не видевший никаких причин упоминать о том, что Карл жил с двадцатилетней фотомodelью, знакомой адвоката.

– Ты за этим проследишь, Леонард? – спросил Фарино.

– Разумеется. – Помявшись, Майлз решил идти напролом: – Ну а Датчанин?

Фарино ответил не сразу. Скворец, затаившийся среди листвы, оживленно болтал сам с собой. Наконец престарелый дон произнес:

– Да, полагаю, надо будет поставить в известность Датчанина.

Майлз заморгал. Он был приятно удивлен. Это поможет ему сэкономить тридцать тысяч на Малькольме и Потрошителе. Естественно, адвокат не собирался требовать задаток назад.

– Я свяжусь с Датчанином... – начал было он.

Фарино покачал головой:

– Нет-нет, я сам этим займусь, Леонард. А ты выпиши чек родным Карла и проследи за тем, чтобы он был доставлен по назначению. Да, и еще, Майлз... что еще было во вчерашнем сообщении мистера Курца?

– Только то, где найти Карла. Курц имел наглость... я имел в виду, он сказал, что не принял случившееся на свой счет. Еще он сказал, что платить по четыреста долларов ему надо будет только с сегодняшнего дня. Сегодня утром он собирался побеседовать с женой Бьюэлла Ричардсона.

– Спасибо, Леонард.

Фарино махнул рукой, отпуская адвоката.

Когда Майлз ушел, Фарино повернулся к дочери. Как и его старшая дочь, София очень напоминала свою покойную мать: полные губы, оливковая кожа, густая копна черных волос, обрамляющих овальное лицо, длинные чувственные пальцы. Но он вынужден был признать, что в глазах Софии было больше ума, чем когда-либо имела его жена.

Фарино погрузился в раздумья. Скворец прыгал по клетке, но не нарушал молчание. Наконец Фарино сказал:

– Ты ничего не имеешь против того, чтобы разобраться с этим, София?

– Нет, папа.

– Общение с Датчанином может оказаться... неприятным, – продолжал отец.

София улыбнулась:

– Это я настояла на том, чтобы участвовать в делах семьи, папа. Во всех делах.

Фарино грустно кивнул.

– Но что касается Датчанина... будь очень-очень осторожна, дорогая. Даже по закрытой телефонной линии говори профессиональным языком.

– Конечно, папа.

Идя из дома через лужайку, Леонард Майлз делал над собой усилие, чтобы сдержать улыбку. *Датчанин*. Но чем больше он об этом думал, тем разумнее казалась ему мысль покончить со всем до того, как подключится Датчанин. И Майлз, разумеется, не хотел ничем раздражать Малькольма и его напарника. От одной мысли о том, что пути Датчанина, Малькольма и Потрошителя пересекутся, у адвоката закружилась голова. И хотя миссис Ричардсон совершенно ничего не знала, сейчас до Майлза вдруг дошло, что ее можно считать незавязанным концом.

«Будешь завязывать все болтающиеся концы, – язвительно заметил в его голове рачительный голос, – окончишь свои дни в доме призрения».

Остановившись, Майлз задумался. В конце концов он покачал головой. Он переживает по поводу каких-нибудь нескольких тысяч долларов, когда речь идет о миллионах – миллионах! Раскрыв сотовый телефон, адвокат позвонил на номер Малькольма Кибунта. Малькольм никогда не отвечал на звонки лично.

– Наша упаковка «К» сегодня утром будет дома у жены казначея, – надиктовал Майлз на автоответчик. – Самое удобное место забрать эту упаковку. – Он помедлил лишь секунду. – Вероятно, одновременно следует забрать и ее упаковку. Я заплачу за доставку и того, и другого товара при следующей встрече. Пожалуйста, захватите с собой накладные.

Закрыв телефон, Майлз прошел к своему «Кадиллаку» и выписал чек на имя матери Карла. Его нисколько не беспокоило то, что он воспользовался сотовым телефоном, потому что он собирался выбросить его в реку по дороге обратно в город. У него имелось множество таких телефонов, ни один из которых нельзя было проследить до советника Леонарда Майлза.

Выехав через главные ворота, адвокат решил, что лично сообщит о случившемся подружке Карла.

Глава 9

Когда Курц подошел к приземистому кирпичному дому, расположенному всего в нескольких кварталах от парка Делавэр, начался проливной дождь.

Малькольм и Потрошитель караулили в желтом «Мерседесе» Малькольма, подняв крышу. Кабриолет стоял в полквартале от того места, где Курц оставил свой «Бьюик». Малькольм обратил внимание на то, как осторожно действовал Курц: сначала проехал мимо дома пару раз, убеждаясь, что за ним не следят. Но Малькольм и Потрошитель уже были на месте. Когда Курц проезжал мимо, они низко пригибались, прячась в своей машине. Их задачу облегчал ливень, но Малькольм тем не менее все же заглушил двигатель. Он знал, что ничто не выдаст присутствие нежелательного наблюдателя так, как выхлопные газы работающего на холостых оборотах двигателя.

Потрошитель, сидевший рядом, зашевелился.

– Сейчас, Потрошитель, мой мальчик, – успокоил его Малькольм. – Обожди минуточку.

В свое время Курцу довелось повидать немало бухгалтеров: пару раз они обращались к нему за помощью в бракоразводных процессах, несколько более авантюрно настроенных счетоводов отбывали сроки в Аттике за свои «чистые» преступления. Но миссис Ричардсон не произвела на него впечатление супруги бухгалтера. Скорее она была похожа на дорогую проститутку, промышляющую в роскошных пансионатах неподалеку от Ниагарского водопада.

Курц видел фотографии Бьюэлла Ричардсона и слышал, что говорил про него Скэг. Казначей семьи Фарино был маленьким, лысым, лет под пятьдесят; на окружающий мир он взирал сквозь очки с толстыми стеклами словно надменный близорукий бурундук. Его жене не было и тридцати; она оказалась светловолосой, с безукоризненной фигурой, и – как решил Курц – чересчур бодрой для потенциальной вдовы.

– Пожалуйста, присаживайтесь, мистер Кертис. Но только, будьте добры, не переставляйте стул. Расстановка мебели является частью общей атмосферы.

– Разумеется, – заверил ее Курц, понятия не имевший, о чем речь.

У Бьюэлла Ричардсона было достаточно денег, чтобы купить дом неподалеку от парка Делавэр, выстроенный по проекту знаменитого архитектора Фрэнка Ллойда Райта.

– Это не тот дом, в котором жил Фрэнк Ллойд Райт, – объяснила ему Арлин, наведя кое-какие справки. – Не тот дом, что построен по проекту Дьюи Мартина. Другой.

– Понял, – ответил Курц.

Он не отличил бы дом, построенный по проекту Дьюи Мартина, от обычного муниципального проекта, но трудно было не найти дом по указанному адресу. Впрочем, здание оказалось весьма симпатичным с виду, если вам по душе кирпич и выступающие карнизы. Но стулья с прямыми спинками, стоящие у камина, походили на орудия пытки. Курц понятия не имел, принимал ли Фрэнк Ллойд Райт участие в проектировке этих стульев, да это его и не волновало, но он не сомневался, что создавались они без учета особенностей строения человеческого тела. Прямая и жесткая спинка напоминала гладильную доску, а сиденье было настолько маленьким, что на нем не поместился бы и зад карлика. У Курца мелькнула мысль, что если бы такую же конструкцию использовали в электрическом стуле, осужденный в последние мгновения перед казнью проклял бы творцов этого сооружения.

– Я очень признателен вам, миссис Ричардсон, за то, что вы согласились со мной встретиться.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь следствию, мистер...

– Курц.

– Да. Но вы, как я поняла, не из полиции. Частный детектив?

– Да, мэм, частный детектив, – подтвердил Курц.

Когда он действительно был частным детективом, у него специально для подобных интервью имелся один приличный костюм и пара хороших галстуков, и сейчас он чувствовал себя глупо в ветровке и штанах, полученных при выходе из Аттики. Арлин дала ему галстук Алана, но Курц был на два дюйма выше и весил на сорок фунтов больше покойного мужа своей секретарши, поэтому о костюме из того же источника мечтать не приходилось. Курц с нетерпением ждал, когда же заработает хоть какие-то деньги. Купив два пистолета, выделив Арлин триста долларов на закупку необходимого оборудования и заплатив за жилье и кормежку, он обнаружил, что у него осталось всего около тридцати пяти долларов.

– Кто еще заинтересован в том, чтобы разыскать Бьюэлла? – спросила супруга бухгалтера.

– Я не имею права раскрывать личность своего клиента, мэм. Но, смею заверить, этот человек желает вашему мужу только добра и хочет помочь его найти.

Миссис Ричардсон кивнула. Ее волосы были уложены в затейливый пучок, и Курц не мог оторвать взгляда от искусных завитков, щекочущих точеную шею.

– Что вы можете рассказать мне про обстоятельства исчезновения мистера Ричардсона? Женщина медленно покачала головой.

– Разумеется, я уже все рассказала полиции. Но, честное слово, я не могу вспомнить ничего необычного. В четверг будет ровно месяц, как Бьюэлл вышел из дома утром в обычное время... в пятнадцать минут девятого... сказав, что направляется к себе в контору.

– По словам его секретарши, у мистера Ричардсона на тот день не было запланировано никаких встреч, – сказал Курц. – Вам не кажется, что для бухгалтера это довольно странно?

– Вовсе нет, – заверила его миссис Ричардсон. – У Бьюэлла почти не было частных клиентов, и все дела с ними он в основном вел по телефону.

– Вам известны имена этих клиентов?

Миссис Ричардсон поджала идеальные розовые губы.

– Мне кажется, это конфиденциальная информация, мистер...

– Курц.

– ...но я могу вас заверить, что все клиенты Бьюэлла – люди значительные... серьезные... стоящие выше каких-либо подозрений.

– Разумеется, – согласился Курц. – И в день своего исчезновения ваш муж уехал на «Мерседесе Е300»?

Миссис Ричардсон склонила голову набок.

– Да. А вы разве не ознакомились с полицейским протоколом, мистер...

– Курц. Да, мэм, ознакомился. Просто я проверял.

– Да, это так. Я хочу сказать, он действительно уехал на маленьком «Мерседесе». В тот день мне нужно было съездить за покупками, поэтому большой я оставила себе. Полиция обнаружила его на следующий же день. Я имею в виду, маленький «Мерседес».

Курц кивнул. Скэг говорил, что «Е300» бухгалтера был оставлен в Лакаванне, где его раздели в считанные часы. На том, что осталось от машины, были обнаружены сотни отпечатков пальцев; все на настоящий момент идентифицированные принадлежали бродягам, снимавшим все ценное.

– У вас нет никаких предположений насчет того, почему мистер Ричардсон мог удариться в бег? – поинтересовался Курц.

Блондинка с внешностью античной скульптуры дернула головой, словно Курц дал ей пощечину.

– Вы намекаете, что у него могла быть другая женщина, мистер...

– Курц, – подсказал Курц и стал ждать ответа.

– Мне неприятен ваш вопрос и вытекающие из него заключения.

«И тут я тебя не виню, – захотелось сказать Курцу. – Если твой муж гулял на стороне, он был полным кретином». Однако он промолчал.

– Нет, у Бьюэлла не имелось никаких причин... как вы выразились, мистер Кац? Удариться в бег. Он был счастлив. Мы были счастливы. Мы с ним живем очень хорошо. Бьюэлл подумывал о том, чтобы через год-два уйти на покой; у нас есть домик в Мауи, куда мы собирались переселиться, недавно мы купили яхту... маленький шестидесятифутовый катамаран... – Миссис Ричардсон умолкла. – Мы собирались совершить кругосветное путешествие.

Курц кивнул.

«Маленький шестидесятифутовый катамаран». Проклятие, а на что же тогда похожа большая яхта? Курц попытался представить год, проведенный на шестидесятифутовой яхте вместе с этой женщиной, порты в тропиках, длинные ночи в открытом море. Это оказалось совсем нетрудно.

– Что ж, вы мне очень помогли, миссис Ричардсон, – сказал Курц, поднимаясь и направляясь к двери.

Миссис Ричардсон поспешно вскочила с места.

– Не представляю, как мои ответы помогут вам найти моего мужа, мистер...

Курц оставил бесплодные попытки подсказывать ей свою фамилию. Даже у закоренелых наркоманов не такая короткая память.

– На самом деле вы мне очень помогли, – повторил Курц.

И это действительно было так. Он пришел к миссис Ричардсон только для того, чтобы установить, имеет ли она какое-либо отношение к исчезновению бухгалтера. Нет, не имеет. Миссис Ричардсон, несомненно, женщина красивая, даже очень, но блещущей умом ее никак не назовешь. Она не притворялась, что ей ничего не известно. Курц решил, миссис Ричардсон вряд ли подозревает о том, что ее муж, скорее всего, в данный момент уже разлагается в неглубокой могиле или служит кормом придонных обитателей озера Эри.

– Дерьмо! – выругался Малькольм.

Они с Потрошителем только собрались выйти из «Мерседеса». Малькольм протянул руку, намереваясь схватить Потрошителя, но его пальцы застыли в дюйме от плеча приятеля. Он ни за что не прикоснется к Потрошителю без его разрешения, а тот ему никогда это не разрешит.

– Подожди, – сказал Малькольм, и оба быстро скользнули обратно в машину.

Из дома вышел Курц. Теперь, разглядев его вблизи, Малькольм убедился, что он похож на свою фотографию, хотя и чуть постарел, чуть осунулся и складки лица стали чуть жестче.

– Я надеялся, он проторчит у нее дольше, – буркнул Малькольм. – Что это за сыщик, мать его, пробыл у вдовы всего пять минут!

Потрошитель, доставший из кармана свитера складной нож, казалось, был поглощен тем, что изучал узоры на рукоятке.

– Подождем минутку, – продолжал Малькольм. – Быть может, он еще вернется назад.

Но Курц не стал возвращаться. Сев в «Бьюик», он тронулся с места.

– Дерьмо! – снова выругался Малькольм. – Ладно, этот адвокатишко Майлз сказал нам забрать обе упаковки. Как думаешь, какую нам взять сначала, Потрошитель, мальчик мой?

Потрошитель посмотрел на особняк. Его рука едва заметно дернулась, и выскочили оба лезвия. Нож был сделан известным оружейником, мастером своего дела. Убрал одно лезвие, Потрошитель оставил второе выдвинутым. Оно было кривым – четыре дюйма, острое как бритва, а на конце загнутое крючком. Такое лезвие называлось «крючком для потрошения внутренностей».

У Потрошителя зажглись глаза.

– Да, ты, как всегда, прав, – согласился Малькольм. – Я знаю один способ найти мистера Курца, когда он нам снова понадобится. А сейчас нас здесь ждет дело.

Они вышли из машины. Малькольм достал брелок, включая сигнализацию, и тотчас же, спохватившись, снова ее отключил.

– Чуть не забыл, – сказал он.

Малькольм достал фотоаппарат «Поляроид», и они с Потрошителем под проливным дождем пересекли улицу.

Глава 10

Гигантский комплекс медицинского центра округа Эри размещался рядом с шоссе на Кенсингтон, так что больные при желании могли наслаждаться шумом оживленной автострады. Этим занимались немногие. Большинство пациентов центра было поглощено вопросами жизни и смерти и тщетными попытками заснуть, так что не различало отдаленные звуки дорожного движения сквозь шум кондиционеров. Период для посещения больных официально заканчивался в девять часов вечера, но последние посетители покидали центр только около десяти.

В пятнадцать минут одиннадцатого вечера в этот октябрьский день худой господин в простом коричневом дождевике и тирольской шляпе с красным пером вышел из кабины лифта на этаже отделения интенсивной терапии, находящегося в западном крыле. У него в руках был маленький букет цветов. На вид ему было лет пятьдесят с небольшим, у него были печальные глаза, рассеянное выражение лица, а его губы под ухоженными рыжеватыми усиками изгибались в едва уловимой улыбке. Мужчина был в дорогих перчатках.

– Прошу прощения, сэр, но время для посещений уже закончилось, – остановила его дежурная медсестра, прежде чем он успел отойти от лифта на три шага.

Мужчина остановился и растерянно посмотрел на нее.

– Да... извините. – Он говорил с едва заметным европейским акцентом. – Я только что прилетел из Штутгарта. Моя мать...

– Вы сможете прийти к ней завтра, сэр. Посещение больных разрешается с десяти часов утра.

Кивнув, мужчина собрался уходить, но затем снова повернулся к медсестре, протягивая букет.

– Миссис Гаупт. Она в вашем отделении, да? Я только что прилетел из Штутгарта, и брат сказал мне, что у нашей мамы очень серьезное положение.

Услышав фамилию, медсестра взглянула на экран компьютера. Прочтя то, что там было, она прикусила губу.

– Миссис Гаупт ваша мать, сэр?

– Да. – Высокий мужчина в дождевике переминался с ноги на ногу, глядя на цветы. – Я уже столько лет ее не видел... Конечно, мне нужно было бы приехать гораздо раньше, но работа... а завтра я уже должен лететь домой.

Медсестра заколебалась. Мимо сновали врачи и медсестры, разносившие лекарства больным.

– Вы понимаете, мистер... Гаупт?

– Да.

– Вы понимаете, мистер Гаупт, ваша мать уже несколько недель находится в коме. Она не узнает, что вы к ней приходили.

Мужчина с печальными глазами кивнул:

– Да, но я буду знать, что побывал у нее.

В глазах медсестры блеснули слезы.

– Пройдите по коридору, сэр. Миссис Гаупт находится в отдельной палате, одиннадцать-ноль-восемь. Через несколько минут я пришлю к вам медсестру.

– Огромное вам спасибо, – поблагодарил ее мужчина в дождевике.

Он неуверенно шагнул в водоворот целенаправленной суеты медперсонала.

Миссис Гаупт действительно находилась в коме. По одним трубкам в ее организм что-то поступало, по другим что-то выводилось. На столике у изголовья кровати в стакане с водой ухмылялась ее вставная челюсть. Мужчина в дождевике и шляпе с пером развернул цветы и

поставил их в стакан с челюстью старухи. Затем он выглянул в коридор и, убедившись, что там никого нет, бесшумно проскользнул к палате 1123.

В ней никто не дежурил. Войдя внутрь, мужчина увидел спящего Карла. Он был напичкан лекарствами; у него была перебинтована голова; лицо, исполосованное многочисленными ссадинами, напоминало морду енота, нижняя челюсть зафиксирована проволокой. Обе ноги, загипсованные, были подвешены к замысловатой конструкции из тросов, гирек и металлических рамок.

Правую руку Карла привязали к кровати резиновой лентой, а левую закрепили на столике под капельницей. К телу подходили многочисленные трубочки.

Высокий мужчина бесшумно отсоединил кнопку вызова сиделки от изголовья кровати и отодвинул ее так, чтобы Карл не смог до нее дотянуться. Затем он достал из кармана дождевика одноразовый шприц в упаковке и, зажав его в правой руке, левой стиснул перебинтованную челюсть Карла.

– Карл! Карл! – Его голос был тихим и заботливым.

Карл застонал, закричал, попытался перевернуться, но его удержали повязки и растяжки. Наконец он открыл единственный здоровый глаз. Судя по всему, Карл не узнал мужчину в дождевике.

Тот зубами стащил колпачок с иглы и оттянул поршень назад, наполняя шприц воздухом. Бесшумно выплюнув пластмассовый колпачок, он поймал его рукой, в которой держал шприц.

– Карл, ты проснулся?

Единственный глаз Карла наполнился сонным недоумением, перешедшим в безотчетный ужас. Станный посетитель отсоединил капельницу от монитора, отключил сигнализацию и проколол иглой трубку. Карл попытался перекатиться к кнопке вызова сиделки, но незнакомец удержал его на месте, придавив ему левую руку.

– Семья Фарино хочет поблагодарить тебя за верную службу, Карл, и выражает сожаление, что ты оказался таким идиотом.

Мужчина говорил негромко и мягко. Он всунул иглу глубже. Карл издавал жуткие звуки перебинтованным ртом и бился на кровати гигантской рыбой.

– Шш, – успокоил его мужчина, нажимая на поршень.

В прозрачной трубке появился пузырек воздуха, направившийся к игле, торчащей в вене на руке Карла.

Высокий мужчина умелым движением выдернул шприц и убрал его в карман дождевика. Удерживая Карла за левое запястье, он сверился с часами у себя на правой руке, и случайный наблюдатель принял бы его за врача, совершающего вечерний обход и проверяющего у больного пульс.

Сломанная челюсть Карла громко заскрипела, и проволока лопнула. Раненый издал нечеловеческий звук.

– Подожди еще четыре или пять секунд, – тихо произнес мужчина в дождевике. – Ага, ну вот и все.

Пузырек воздуха достиг сердца Карла, буквально взорвав его. Карл выгнулся, дернувшись с такой силой, что две стальные растяжки запели, словно провода на ветру. Глаза телохранителя, вылезшие из орбит, казалось, готовы были вот-вот лопнуть, но вдруг они остеклели, и их взгляд померк.

Из ноздрей Карла вытекли две струйки крови.

Отпустив запястье лежащего на кровати человека, мужчина в дождевике вышел из палаты, направился по коридору к запасному выходу и, спустившись по лестнице на первый этаж, сошел по пандусу для машин «скорой помощи».

София Фарино ждала его за воротами медицинского центра в своем черном спортивном «Порше». Верх был поднят для защиты от не утихающего с утра дождя. Высокий мужчина сел в машину рядом с Софией. Она не стала спрашивать у него, как все прошло в больнице.

– В аэропорт? – спросила София.

– Да, пожалуйста, – произнес мужчина тем же самым тихим, вежливым голосом, которым говорил с Карлом.

Через несколько минут машина выехала на шоссе на Кенсингтон.

– Погода в Буффало меня всегда радует, – нарушил молчание мужчина в дождевике. – Она напоминает мне Копенгаген.

София улыбнулась.

– Да, чуть было не забыла, – спохватилась она.

Открыв бардачок, она достала пухлый белый конверт.

Едва заметно улыбнувшись, мужчина, не пересчитывая деньги, убрал конверт в карман дождевика.

– Пожалуйста, передайте самый теплый привет вашему отцу, – сказал он.

– Обязательно передам.

– И если вашей семье понадобятся еще какие-нибудь услуги...

София оторвалась от монотонно работающих щеток стеклоочистителя. До аэропорта оставалось еще несколько миль.

– Вообще-то, – сказала она, – есть еще кое-что...

Глава 11

Войдя в крошечный кабинет в административном центре, Курц посмотрел на сидящую за заваленным бумагами письменным столом офицера по надзору, осуществляющего контроль за его условно-досрочным освобождением, и пришел к выводу, что она красива словно букашка.

Ее звали Пег О'Нил. «ОПН – офицер по надзору», – мысленно отметил Курц. Он редко думал такими категориями, как «красива словно букашка», но мисс О'Нил это определение шло как нельзя лучше. Ей было лет тридцать с небольшим, у нее было свежее веснушчатое лицо и чистые голубые глаза. Рыжие волосы – не того поразительно ярко-рыжего цвета, какие были у Сэм, а сложного рыжевато-желтого оттенка, – ниспадали на плечи естественными волнами. По современным меркам, она была чуть полновата, что безмерно порадовало Курца. Одним из лучших высказываний, какие он когда-либо встречал, было описание женщин нью-йоркского высшего света, страдающих полным отсутствием аппетита, данное писателем Томом Вульфom: «ходячие рентгеновские снимки». У него мелькнула рассеянная мысль: а что подумает о нем ОПН Пег О'Нил, если он скажет, что читал Тома Вульфа? И тут же задумался, почему его это волнует.

– Итак, где вы живете, мистер Курц?

– Где придется.

Курц отметил, что О'Нил не снизошла до того, чтобы обратиться к нему по имени.

– Вам нужно иметь постоянный адрес. – Ее голос не был ни фамильярным, ни холодным – просто профессиональным. – В следующем месяце я должна навестить вас по месту постоянного жительства и убедиться, что оно удовлетворяет требованиям условно-досрочного освобождения.

Курц кивнул.

– Я остановился в мотеле «Шестерка», но вообще я ишу что-нибудь более постоянное.

Он решил не упоминать про заброшенный склад и одолженный спальный мешок, служившие ему в настоящее время домом.

Мисс О'Нил сделала пометку.

– Вы приступили к поискам работы?

– Я уже нашел место, – сказал Курц.

Она удивленно подняла брови. Курц обратил внимание, что они были густыми и того же цвета, что и волосы.

– Я открыл свое дело, – пояснил он.

– Этого недостаточно, – сказала Пег О'Нил. – Нам нужны подробности.

Курц кивнул.

– Я основал сыскное агентство.

Офицер по надзору постучала ручкой по нижней губе.

– Мистер Курц, вы понимаете, что в штате Нью-Йорк вам больше никогда не выдадут лицензию на занятия частным сыском, и вы не имеете права владеть и носить огнестрельное оружие и общаться с уголовными преступниками?

– Понимаю, – ответил Курц. Увидев, что О'Нил молчит, он продолжил: – Это официально зарегистрированный бизнес: агентство «Первая любовь».

О'Нил едва сдержала улыбку.

– Агентство «Первая любовь»? Вы собираетесь искать пропавших без вести?

– В каком-то смысле, – подтвердил Курц. – Это поисковая система, работающая во Всемирной паутине. Девяносто девять процентов работы мы с моей секретаршей будем осуществлять при помощи компьютера.

Офицер по надзору постучала ручкой по белоснежным зубам.

– В Интернете сотни подобных систем.

– То же самое сказала Арлин, моя секретарша.

– Почему вы полагаете, что сможете зарабатывать на этом деньги?

– Во-первых, по моим подсчетам, около ста тысяч детей, родившихся во время бума рождаемости и в настоящий момент приближающихся к выходу на пенсию, готовы бросить своих нынешних супругов. С другой стороны, у них наверняка не угасло чувство к своим возлюбленным времен учебы в университете, – сказал Курц. – Вы меня понимаете: воспоминания о первой страсти на заднем сиденье «Мустанга» выпуска шестьдесят шестого года и тому подобное.

Мисс О'Нил улыбнулась:

– У «Мустанга» шестьдесят шестого года заднее сиденье очень тесное и неудобное.

Курц отметил, что она не заигрывает с ним, а просто констатирует факт.

Он кивнул:

– Вам нравятся старые «Мустанги»?

– Мы здесь не для того, чтобы обсуждать мои предпочтения в мощных автомобилях, – сказала мисс О'Нил. – И почему эти стареющие плоды бума рождаемости должны обратиться за услугами именно к вам? Ведь в Сети есть много других дешевых страничек, разыскивающих одноклассников.

– Вы правы, – согласился Курц. – Но мы с Арлин собираемся действовать более проактивно. – Он остановился. – Неужели я действительно сказал «проактивно»? Господи, я ненавижу это слово. Мы с Арлин собираемся действовать более... изобретательно.

На лице мисс О'Нил второй раз за время беседы отобразилось легкое удивление.

– Одним словом, мы листаем старые классные журналы, – продолжал Курц, – находим кого-нибудь, пользовавшегося популярностью в своем классе, – мы начали с шестидесятых годов, – а затем посылаем информацию бывшим одноклассникам этого человека. Понимаете: «Вам никогда не было интересно узнать, что случилось с Билли Бендербиксом? Обратитесь в агентство “Первая любовь”» – что-нибудь в таком духе.

– Вы знакомы с законами, гарантирующими невмешательство в частную жизнь?

– Разумеется, – подтвердил Курц. – Но в Интернете их пока недостаточно. Впрочем, мы все равно ищем бывших одноклассников через обычные поисковые системы и посылаем им информацию по электронной почте.

– И как, получается?

Курц пожал плечами.

– Прошло всего несколько дней, но у нас уже пара сотен попаданий. – Он умолк, понимая, что офицеру по надзору этот пустой разговор нужен не больше, чем ему; с другой стороны, ему хотелось перед кем-нибудь выговориться, а больше в его жизни никого не было. – Хотите узнать о нашей первой попытке?

– Конечно, – ответила мисс О'Нил.

– Ну так слушайте. Арлин в течение нескольких дней собирала старые классные журналы. Мы разослали запросы по почте по всей стране, но начинать будем с окрестностей Буффало, пока не составим базу данных.

– Разумно.

– И вот вчера мы были готовы начать. Я сказал: «Давай выберем кого-нибудь наугад, чтобы он стал нашим первым мистером или мисс Одинокое сердце... Прошу прощения, миссис Одинокое сердце.

– Это глупо, – заметила О'Нил. – Правильнее будет все же мисс Одинокое сердце.

Курц кивнул.

– Итак, Арлин берет первый журнал из стопки – Кенмор-Уэст, 1966 год, – и раскрывает его. Я наугад тыкаю пальцем. Попадаю в человека со странной фамилией, но мне все равно. Вот только Арлин почему-то начинает смеяться...

Выражение лица О'Нил оставалось нейтральным, однако она его внимательно слушала.

– Вульф Блитцер, – продолжал Курц. – «По-моему, его одноклассники и так неплохо осведомлены о том, что с ним стало», – говорит Арлин. «Почему?» – спрашиваю я. Арлин смеется еще громче...

– Вы действительно не знаете, кто такой Вульф Блитцер? – спросила О'Нил.

Курц снова пожал плечами:

– Насколько я понял, он стал знаменитым тогда, когда мой процесс уже шел, а с тех пор у меня не было возможности регулярно смотреть новости Си-эн-эн.

О'Нил улыбнулась.

– Ладно, – продолжал Курц, – Арлин успокаивается, объясняет, кто такой Вульф Блитцер и почему мы вряд ли сможем остановить выбор на нем, и достает журнал школы в Западной Сенеке. Раскрывает его наугад.

Тычет пальцем в фотографию. Еще один кандидат. Некий Тим Рассерт.

О'Нил негромко рассмеялась.

– Телекомпания Эн-би-си.

– Точно. О нем я тоже не слышал. Арлин начинает громко ржать.

– Ну и совпадение!

Курц покачал головой:

– Я не верю в случайные совпадения. На самом деле это Арлин надо мной так подшутит. У нее своеобразное чувство юмора. Одним словом, в конце концов нам удалось найти выпускника школы из окрестностей Буффало, не ставшего телезнаменитостью, и мы...

Зазвонил телефон, и О'Нил сняла трубку. Курц был рад небольшому перерыву. Ему приходилось врать направо и налево.

– Да... да... хорошо, – произнесла О'Нил. – Понимаю. Ладно. Договорились.

Когда она положила трубку, Курцу показалось, что ее взгляд стал холоднее.

Дверь распахнулась. В комнату ворвались полицейский из отдела убийств по имени Джимми Хэтэуэй и молодой фараон, которого Курц никогда прежде не видел, с жетонами на ремнях, и взяли Курца под прицел своих девятимиллиметровых «Глоков». Оглянувшись, Курц увидел, что Пег О'Нил достала из сумочки «Зиг Про» и целится ему прямо в лицо.

– Руки на затылок, осел! – крикнул Хэтэуэй.

На Курца надели наручники, его обыскали – разумеется, он оказался совершенно чист, ибо зачем брать пушку на первую встречу с офицером по надзору, – и поставили лицом к стене, после чего молодой полицейский вытряхнул из его карманов мелочь, ключи от машины и мятные конфеты.

– Больше ты этого долбаного козла не увидишь, Пег, – объявил Хэтэуэй, подталкивая Курца к двери. – Он возвращается в Аттику и на этот раз больше оттуда никогда не выйдет.

Курц в последний раз оглянулся на Пег О'Нил, прежде чем еще один толчок не выпихнул его в коридор. Выражение ее лица оставалось непроницаемым.

Глава 12

Курц понял, что допрос будет не из легких, когда Хэтэуэй, полицейский из отдела расследования убийств, опустил жалюзи на одностороннее зеркало³, занимавшее всю стену кабинета, и выдернул шнур магнитофона из розетки на полу. Вторым дурным знаком стало то, что Курцу защелкнули руки наручниками за прямой спинкой металлического стула, привинченного болтами к полу. Третью наводку Курц получил из темных пятен на выдавшем виды деревянном столе и таких же пятен, разбрызганных на линолеуме под привинченным к полу стулом, хотя он и попытался убедить себя в том, что эти пятна могут объясняться пролитым кофе. Но, возможно, самым красноречивым намеком стало то, что Хэтэуэй натянул резиновые медицинские перчатки, какими пользуются санитары для защиты от СПИДа.

– С возвращением, Курц, мать твою, – сказал Хэтэуэй, когда жалюзи были опущены.

Быстро сделав три шага вперед, он наотмашь ударил Курца по лицу.

Тряхнув головой, Курц сплюнул кровь на линолеум. Хорошая новость состояла в том, что сейчас у Хэтэуэя не было массивного золотого кольца, которое он носил раньше на правой руке. Возможно, он его снял, чтобы не порвать резиновые перчатки. У Курца на подбородке возле уголка рта до сих пор оставался едва заметный шрам – следствие похожего разговора с Хэтэуэем, состоявшегося почти двенадцать лет назад.

– Я тоже рад тебя видеть, лейтенант, – сказал Курц.

– Я детектив! – рявкнул Хэтэуэй.

Курц пожал плечами, насколько это было возможно со скованными наручниками руками.

– Мы не виделись более одиннадцати лет, – произнес он, снова сплевывая кровь. – Я полагал, за это время ты все-таки умудрился сдать экзамен на лейтенанта. Или по крайней мере на сержанта.

Шагнув вперед, Хэтэуэй снова ударил Курца, на этот раз сжатым кулаком.

Курц на мгновение потерял сознание, а когда пришел в себя, молодой полицейский говорил:

– ...ради бога, Джимми!

– Заткнись! – остановил его детектив Хэтэуэй.

Обойдя стол, он взглянул на часы. Курц предположил, что у полицейских совсем немного времени для беседы без протокола. «Очень хорошо», – подумал он, пытаясь справиться со звоном в ушах.

– Где ты был вчера утром, Курц? – рявкнул Хэтэуэй.

Курц покачал головой. Ошибка. Комната дернулась и закружилась. Лишь наручники позволили ему усидеть на стуле прямо.

– Я сказал, где ты был вчера утром? – повторил Хэтэуэй, подходя ближе.

– Адвоката, – сказал Курц.

Его рот по-прежнему был полон крови, но по крайней мере все зубы, кажется, остались на месте.

– Что?

– Я хочу адвоката.

– Твой адвокат помер, подонок, – сообщил Хэтэуэй. – У этого вечно больного дохлятика Мюррела четыре года назад случился сердечный приступ.

Курцу это было известно.

– Адвоката, – повторил он.

³ Зеркало-шпион, или зеркало Гезелла. Его часто используют в комнатах служб безопасности.

В ответ Хэтэуэй достал из кобуры под мышкой свой девятимиллиметровый «Глок» и вытащил из кармана пиджака крошечный «Смит-и-Вессон» 32-го калибра. Он бросил револьвер на стол перед Курцем. Классический расклад «он первый на меня бросился».

– Джимми, во имя всего святого! – воскликнул молодой полицейский.

Курц никак не мог понять: это у них отрепетировано или же молодому действительно не по душе действия Хэтэуэя. Но если это стандартный фарс с «хорошим» и «плохим» полицейскими, из парня получится неплохой актер.

– А может, мы обыскали его недостаточно хорошо, – заметил Хэтэуэй, уставившись на Курца своими бледно-голубыми глазами.

Курцу и раньше казалось, что у полицейского не все дома, но сейчас у детектива, похоже, совсем крыша съехала.

Хэтэуэй дослал патрон в патронник своего «Глока».

– Где ты был вчера утром, Джо, приятель?

Курцу это уже начинало надоедать. За последнее десятилетие ему не раз приходилось обсуждать с другими заключенными основополагающую директиву «никогда не убивай полицейского». Для того чтобы оживить спор, Курц всегда отстаивал точку зрения «а почему бы и нет?». При этом он обычно имел в виду Хэтэуэя.

Отвернувшись от красномордого полицейского, Курц постарался думать о другом.

– Ах ты жалкий ублюдок! – бросил коп.

Убрав «Глок» в кобуру, он одним движением сгреб со стола «Смит-и-Вессон» и ударил Курца по ключице мешочком с песком, очень похожим на тот, что недавно был применен против Карла. Левое плечо и рука Курца на мгновение онемели, затем вспыхнули бушующей болью.

Второй детектив включил магнитофон и поднял жалюзи. Хэтэуэй стащил резиновые перчатки. Револьвер и дубинка бесследно исчезли. «Глок» был в кобуре.

«Что ж, – подумал Курц, – все прошло отлично».

– Джо Курц, вы признаете, что вас предупредили о ваших правах? – сказал в микрофон детектив Хэтэуэй.

Курц буркнул что-то нечленораздельное. Похоже, ключица не была сломана, но пройдет несколько часов, прежде чем он снова сможет действовать левой рукой.

– Где вы находились вчера утром между девятью и одиннадцатью часами утра? – продолжал Хэтэуэй.

– Я бы хотел поговорить со своим адвокатом, – постарался как можно отчетливее произнести Курц.

– Государственный защитник уже поставлен в известность, – сообщил Хэтэуэй, наклоняясь к микрофону. – Следует отметить, что данный разговор происходит с согласия и по просьбе мистера Курца.

Курц чуть ли не прижался губами к микрофону.

– Твоя мать сосала член на Южном Делавэре, детектив Хэтэуэй. А я был ее постоянным клиентом.

Забыв о том, что он снял перчатки, Хэтэуэй ударил с такой силой, что кровь из носа у Курца брызнула на стену, до которой было не меньше шести футов. «Отличный ход с моей стороны, – мысленно отметил Курц. – Впрочем, пленки все равно редактируют». Он тряхнул головой. На сей раз ему удалось уклониться от прямого удара и сохранить нос целым.

– Вы узнаете эту женщину? – спросил второй детектив, выкладывая на стол белую папку. Он раскрыл папку.

– Курц, не испачкай фотографии кровью! – предостерегающе произнес Хэтэуэй.

Курц постарался выполнить его просьбу, хотя на черно-белых снимках было заснято столько крови, что несколько капель настоящей ничего бы не изменили.

– Вы узнаете эту женщину? – повторил молодой полицейский.

Курц молчал. По фотографиям можно было только понять, что это женщина.

Разумеется, Курц ее узнал. Ему были знакомы стулья с прямыми неудобными спинками, расставленные вокруг стола от Фрэнка Ллойда Райта.

– Вы отрицаете, что были дома у этой женщины вчера утром? – вновь задал вопрос молодой полицейский. Затем добавил, повернувшись к микрофону: – Пусть на фонограмме будет зафиксировано, что мистер Курц отказывается узнать Мэри-Энн Ричардсон, женщину, к которой он приходил вчера утром.

«Вчера у нее были нос, глаза, грудь и вся кожа», – захотелось сказать Курцу. На самом деле он внимательно рассмотрел фотографии, разложенные на столе. Убийца был маньяк, обожающий холодное оружие, физически сильный, психически ненормальный, но умеющий обращаться с лезвием. Какими бы жуткими ни были картины вивисекции, выполнили ее профессионально. Курц сомневался, что миссис Ричардсон по достоинству это оценила, хотя, судя по снимкам, потрошитель прикончил ее не сразу, дав возможность понаблюдать за процессом. Курц вгляделся в окружающую обстановку, пытаясь определить время убийства по расположению мебели. Все предметы стояли в точности так, как их оставили они с хозяйкой. Следов борьбы не было – или человек с ножом оказался достаточно сильным, и вся борьба сосредоточилась на маленьком пятачке промокшего ковра у входа в гостиную. Или, что вероятнее, убийц было двое: один держал, другой резал.

– Это у нее на платье сперма? – спросил Курц.

– Заткнись, – оборвал его детектив Хэтэуэй.

Шагнув вперед, он зажал одной рукой микрофон, а другой стиснул Курцу ушибленное плечо. У Курца вырвался краткий стон, но полицейский не убирал руку с микрофона.

– За это ты получишь по полной катушке, Курц. Твоя фамилия есть в ее записной книжке. Человек, позвонивший нам, видел тебя на месте преступления.

Курц вздохнул.

– Хэтэуэй, тебе прекрасно известно, что это не моих рук дело. Стилль не мой. Когда мне приходит мысль расправиться с домохозяйкой, я всегда пользуюсь «Кольтом» сорок пятого калибра.

Обнажив свои огромные зубы, Хэтэуэй сжал плечо сильнее. На сей раз Курц уже был готов и не застонал вслух, даже когда ему показалось, что кости ключицы трещат, словно кастаньеты.

– Уберите отсюда этот мешок с дерьмом, – распорядился Хэтэуэй.

В комнату вошли два здоровенных полицейских в форме, отстегнули Курца от стула, снова сковали ему руки за спиной и вывели из комнаты. Один из них принес рулон бумажных полотенец, чтобы вытереть кровь со щеки и подбородка Курца.

Курц посмотрел на свою голубую рубашку в клетку – свою единственную рубашку. Проклятие.

Полицейские в форме провели его по многочисленным коридорам со стенами, выкрашенными зеленой краской, мимо постов охраны, вниз на первый этаж, где у него сняли отпечатки пальцев, а затем снова обыскали и сфотографировали на цифровой аппарат.

Курцу была хорошо знакома эта процедура. Бюрократическая машина работает медленно, поэтому обвинение ему предъявят не раньше, чем завтра вечером. Курц покачал головой: Хэтэуэй не мог говорить серьезно про убийство при отягчающих обстоятельствах. После того как ему предъявят обвинение, – хотя, черт побери, неясно, в чем именно его могут обвинить, – Курц внесет залог и выйдет на свободу до предварительного слушания дела.

– Чему ты улыбаешься, подонок? – спросил полицейский, пытающийся выбросить кипу окровавленных полотенец, при этом не запачкав руки.

Куриц постарался придать лицу нормальное выражение. Его развеселила мысль о залоге. В настоящий момент все, что было у него на этом свете, заключалось в тоненькой пачке банкнот – меньше двадцати долларов. Арлин изрядно истощила его запасы, закупая компьютеры и остальной офисный хлам.

Нет, ему придется посидеть – сначала здесь, в камере предварительного заключения в здании суда, а затем в тюрьме округа Эри, – пока кто-нибудь из прокуратуры не обратит внимание на то, что в действительности никакого дела против него нет, а Хэтэуэй просто втирает очки.

Что ж, рассудил Куриц, ему не привыкать сидеть и ждать.

Глава 13

– Ты меня понял, мой мальчик? – в четвертый раз спросил у Бандана Малькольм Кибунт. – Завтра ему будет предъявлено обвинение, после чего он переселится в тюрьму округа, в общее отделение. Его переведут или завтра вечером, или послезавтра утром.

– Я в-все понял, – заикаясь, проговорил Бандан, начиная клевать носом.

Его взгляд становился все более мутным, но Малькольм решил, что Бандан еще достаточно вменяем.

– Хорошо, – сказал Малькольм, похлопав наркомана по голове в красной бандане.

– Знаешь, я только н-никак не могу понять и как раз хотел у тебя спросить. – Бандан прищурился, пытаясь сосредоточить взгляд. – Слушай, Малькольм, чего это ты к старости стал таким щедрым, мать твою? Ты меня понимаешь? С чего ты отдаешь все десять штук «Мечети» мне и моим ребятам за то, что мы пришьем этого белого ублюдка? Ты слышишь, что я говорю?

Малькольм разжал руку.

– Я тут ни при чем, Бандан. Это братва из «Мечети» хочет отправить его на тот свет. Мне до него никак не добраться, поэтому я и решил шепнуть тебе словечко, мой мальчик. Если ты захочешь поделиться со мной своим вознаграждением, я не буду иметь ничего против. Но мне никак не добраться до этого ублюдка, ты слышишь? Так что если твои ребята провернут это дельце... – Малькольм пожал плечами. – Ублюдок мертв, братва из «Мечети» счастлива, все в ажуре.

Бандан нахмурился, пытаясь протащить услышанное через свой одурманенный наркотиками мозг, но, похоже, у него никак не получалось.

– Завтра в тюрьме день свиданий, – наконец сказал он. – Если встать пораньше, часов в десять, бросить словечко Ллойду, Малышу Пи-пи и Дариллу, к закрытию твой белый дружок уже будет куском мертвечины.

– Возможно, его переведут в тюрьму округа послезавтра, – напомнил ему Малькольм. – Но, вероятнее всего, все же завтра. Завтра ему предъявят обвинение, и тогда же повезут в автобусе с решетками.

– Как скажешь, – глупо ухмыльнулся Бандан.

– У тебя есть фотка его физии, мой мальчик?

Бандан похлопал нагрудный карман своей грязной куртки армейского образца.

– Фамилию не забыл, мой мальчик?

– Куртис.

– Курц, – поправил Малькольм, постучав клюющего носом Бандана по затылку, повязанному красной банданой. – Курц.

– Как скажешь, – тряхнул головой Бандан, выбираясь из «Мерседеса».

Пошатываясь, он пошел по тротуару. К нему присоединились его такие же одурманенные дружки. Сунув руку в карман мешковатых брюк, Бандан вытащил пригоршню ампул с крэком, которые дал ему Малькольм, и стал раздавать своим приятелям, словно конфеты.

Глава 14

Курц уже почти успел забыть, какими хаотически безумными кажутся муниципальные камеры временного содержания в сравнении со строго упорядоченным сумасшествием настоящей тюрьмы. Свет горел всю ночь напролет; чем ближе к утру, тем в больших количествах притаскивали новых задержанных.

К полуночи в камере находилось уже двенадцать человек; шум и зловоние были такими, что свели бы с ума буддийского монаха. Один наркоман попеременно кричал, плакал и ругался; его то и дело рвало. Наконец Курц прекратил его страдания, сдавив двумя пальцами нерв, проходящий вдоль сонной артерии. Охрана и не подумала зайти, чтобы убрать рвоту.

В камере было трое белых, включая отрубившегося наркомана. Черные, как обычно, четко обозначили свою территорию и теперь злобно таращились на Курца. Он понимал, что, если его узнают, придется нелегко. Всем чернокожим известна фетва⁴, вынесенная «Мечетью смерти», а значит, ночь будет очень длинной. У Курца не было ничего, что он мог бы использовать в качестве оружия: ни пружины, ни скрепки, ни шариковой ручки, ничего острого. Поэтому он решил просто оборудовать систему предварительного оповещения и попытаться хоть немного поспать. Сбросив заснувшего крепким сном наркомана с одной из четырех коротких скамеек, Курц с помощью ребра ладони убедил второго белого арестованного также улечься спать на полу. Затем он сложил из двух безжизненных тел своеобразную баррикаду в ярде от скамейки. Конечно, негры без труда преодолеют это импровизированное препятствие, но все же оно хоть немного замедлит их продвижение. Разумеется, Курц не имел никаких предубеждений против афроамериканцев; просто их было много, и они, возможно, слышали об обещанной награде. Вылезшие неизвестно откуда тараканы разбежались по полу. Подкрепившись в луже блевотины на ничейной территории, они исследовали складки одежды наркомана, а затем сгрудились на голой щиколотке второго арестованного белого.

Свернувшись калачом на жесткой скамейке, Курц закрыл глаза, забывшись в полудреме, однако лицом он оставался к сгрудившимся напротив неграм.

Через какое-то время их разговоры смолкли; негры кто уснул беспокойным сном, кто просто сидел, бормоча под нос ругательства. Полицейские то и дело проводили мимо решетчатой стены проституток и наркоманов, рассаживая их в камеры дальше по коридору. Судя по всему, гостиница еще не вывесила на ночь табличку «Свободных мест нет».

Где-то около двух часов ночи Курц вдруг проснулся и автоматически выбросил вперед кулак в убийственном ударе. Какое-то движение. Однако, оказалось, это лишь полицейский в форме отпер дверь в камеру.

– Джо Курц! – окликнул он.

Курц осторожно направился к двери, стараясь не поворачиваться спиной ни к полицейскому, ни к остальным задержанным. Возможно, Хэтэуэй замыслил что-то еще. Едва ли его пыл остудила неудача с подоброщенным «Смит-и-Вессоном». А может, кто-нибудь из полицейских, увидев бумаги об аресте Курца, связал его с приговором «Мечети смерти».

Полицейский в форме был толстым, неповоротливым и сонным, и – как и все охранники на этаже с камерами – он оставил оружие за наружной решеткой. В руке у него была резиновая дубинка, а на поясе висел баллончик со слезоточивым газом. За всеми перемещениями по коридору следила видеокамера. Курц решил, что если Хэтэуэй или кто-нибудь другой ждут его за углом коридора, он сможет разве что отобрать у толстого полицейского дубинку, использовать его самого как живой щит во время перестрелки, а затем попытаться сблизиться со своим

⁴ Суждение, высказанное уважаемым мусульманским богословом, как правило, теологического характера. Здесь – неверное применение этого слова, очевидно, в силу неграмотности «братства». – *Прим. ред.*

противником. План был никудышным, но ничего лучше, не имея доступа к другому оружию, Курц быстро придумать не смог.

Однако за углом коридора его никто не ждал. Толстый полицейский без каких-либо происшествий провел Курца через многочисленные двери и решетки.

В приемном отделении другой заспанный сержант вернул ему бумажник, ключи и мелочь в бумажном пакете, после чего Курца спустили по черной лестнице на первый этаж. Полицейский отпер решетчатую дверь, и Курц оказался на свободе.

В грязной комнате ожидания на длинной скамье сидела красивая брюнетка – с пышной грудью, длинноволосая, с нежной кожей и соблазнительным взглядом. При появлении Курца она встала. Курц успел рассеянно подумать, как можно выглядеть такой свежей и собранной в два часа ночи.

– Мистер Курц, вы дерьмово выглядите, – заметила брюнетка.

Курц молча кивнул.

– Мистер Курц, меня зовут...

– София Фарино, – закончил за нее Курц. – Скэг показывал мне вашу фотографию.

Брюнетка едва заметно улыбнулась.

– Мы в семье зовем его Стивеном...

– Но все остальные зовут его Скэг, – сообщил Курц.

София Фарино кивнула.

– Ну что, пойдём?

Курц не двинулся с места.

– Вы хотите сказать, что внесли за меня залог?

Она снова кивнула.

– Почему именно вы? – спросил Курц. – Если семья решила так поступить, почему не прислали Майлза-адвоката? И почему среди ночи? Почему вы не дождались предъявления обвинения?

– До предъявления обвинения дело так и не дошло бы, – сказала София. – Вас обвинили бы в нарушении правил условно-досрочного освобождения – в ношении огнестрельного оружия – и утром отправили бы в тюрьму округа.

Курц почесал подбородок и услышал скрежет отросшей щетины.

– Нарушение правил досрочного освобождения?

Улыбнувшись, София направилась к выходу. Курц последовал за ней. Они спустились по гулкой лестнице и вышли в ночь. Курц держался настороже, нервы были натянуты как струна. Хотя внешне это не проявлялось, он вглядывался в каждую тень, реагировал на каждое движение.

– В убийстве жены Ричардсона много улик, – продолжила София, – но ни одна из них не выводит на вас. Уже проведен анализ семени, обнаруженного на теле убитой. Группа крови не ваша.

– А вы откуда знаете?

Вместо ответа она продолжала:

– Неизвестный позвонил в полицию и сообщил, что вчера днем вы были дома у Ричардсон. Если следователь сказал вам, что ваша фамилия есть в ее записной книжке, он солгал. Миссис Ричардсон сделала пометку, что к ней должен прийти какой-то мистер Куотс.

– У дамочки была очень плохая память на фамилии, – заметил Курц.

София провела его на холодную, но залитую ярким светом автостоянку и нажала кнопку пульта сигнализации. Черный «Порше Бокстер» пикнул и мигнул фарами.

– Хотите я вас подвезу? – предложила она.

– Я лучше пройду пешком, – ответил Курц.

– Неразумно, – заметила брюнетка. – Ведь кто-то не поленился проделать такую работу, чтобы отправить вас в тюрьму округа. Интересно, зачем?

Курц уже догадался. Сейчас догадался. Упрятать его за решетку. Подставить под нож. Ему повезло, что это не произошло во время первого допроса. Практически однозначно тут не обошлось без участия Хэтэуэя. Что помешало полицейскому из отдела убийств довести дело до конца, использовать подброшенный револьвер и свой «Глок» и получить обещанные десять кусков? Его молодой напарник? Курц подумал, что, скорее всего, так никогда это и не узнает. Но теперь он не сомневался, что в тюрьме его должен был встретить кто-то еще, а Хэтэуэй все равно получил бы свою долю.

– Так что вам лучше поехать со мной, – подытожила София.

– Почему я должен верить, что вы не одна из них?

Дочь дона Фарино рассмеялась, запрокинув голову. Звонко, беззаботно и на удивление искренне для взрослой женщины.

– Вы мне льстите, – сказала она. – Мне нужно кое о чем с вами поговорить, Курц, и сейчас как раз самое подходящее время. Полагаю, я смогу помочь вам установить, кто пытался вас подставить и почему. Предлагаю в последний раз: поедете со мной?

Обойдя приземистый мускулистый «Бокстер», Курц сел вперед, справа от водителя.

Глава 15

Курц ожидал или разговора по дороге, или путешествия в особняк семьи Фарино в Орчард-парке, но София отвезла его к себе домой в старый район в центре Буффало.

Курц знал: чтобы попасть хотя бы в зал ожидания городской тюрьмы, Софии пришлось пройти через металлоискатель, следовательно, в сумочке, которую она небрежно бросила на пол под сиденье, оружия не было. Оставался лишь бардачок. Если София вздумала бы открыть бардачок во время недолгой поездки до своего дома, Курцу предстояло бы несколько весьма любопытных мгновений. Однако она даже не думала браться за крышку.

София жила в облагороженном здании, бывшем когда-то складом. В стенах прорубили огромные окна, пристроили металлические балконы, выходящие на центр города и на причал, в подвале выкопали охраняемую автостоянку, а у входа посадили охранников. «Совсем как моя нынешняя дыра», – весело подумал Курц.

Открыв с помощью магнитной карточки ворота подземного гаража, София у лифта поздоровалась с охранником в форме и подняла Курца на шестой, последний этаж.

– Я принесу что-нибудь выпить, – сказала она, войдя в квартиру, заперев за собой дверь и бросив ключи в эмалированную вазочку на лакированном столике из красного дерева. – Виски устроит?

– Устроит, – согласился Курц.

У него крошки во рту не было с тех пор, как он съел маленький бутерброд рано утром – теперь уже вчера утром, больше двадцати часов назад.

Жилище дочери дона Фарино было очень уютным: открытая кирпичная кладка, современная мебель, тем не менее удобная на вид, в углу – телевизор с огромным экраном, стандартный набор высококлассного стереофонического оборудования – видеоманитфон, проигрыватель видеодисков, мощные усилители, колонки объемного звучания. На стенах плакаты французских минималистов в рамках – судя по всему, оригиналы, дорогие до безумия, сотни книг в шкафах из черного лакированного дерева и огромное полукруглое окно, господствующее в западной стене и выходящее на реку, причал и освещенные огнями мосты.

София протянула Курцу бокал. Он пригубил виски. «Чивас Ригал».

– Ты не собираешься похвалить мое логово? – спросила она.

Курц пожал плечами. Будь он квартирным вором, тут он поживился бы на славу, но едва ли София примет подобное заявление за комплимент.

– Ты хотела поделиться со мной своими теориями, – напомнил он.

Отпив виски, София вздохнула.

– Курц, подойди сюда, – не прикасаясь к нему, она подвела его к большому зеркалу у двери. – Что ты видишь? – спросила она, отступив на шаг.

– Себя, – ответил Курц.

На самом деле на него смотрел мужчина с запавшими глазами, спутанными волосами, в рваной окровавленной рубашке, со свежей ссадиной на щеке и засохшими кровавыми подтеками на лице и шее.

– Курц, от тебя воняет.

Он кивнул, принимая это замечание в том духе, в каком оно было сделано, – как простую констатацию факта.

– Тебе надо принять душ, – продолжала София. – Переодеться в свежее.

– Позже, – ответил он.

В его логове на заброшенном складе не было ни горячей воды, ни чистой одежды.

– Сейчас, – решительно заявила София.

Отобрав бокал с виски, она поставила его на стол. Затем направилась в ванную, выходящую в короткий коридор между гостиной и тем, что было похоже на спальню. Курц услышал шум воды. София высунула голову в коридор.

– Ты идешь?

– Нет, – бросил Курц.

– Господи, у тебя просто мания преследования.

«Да, – подумал Курц, – но в достаточной ли степени?»

Скинув туфли, София принялась снимать блузку и юбку. Под ними были белые трусики и белый бюстгальтер. Движением, которое Курц не видел наяву больше одиннадцати лет, София расстегнула застежку лифчика и отбросила его в сторону. Она осталась в белых кружевных трусиках, очень пристойных.

– Ну? – нетерпеливо спросила София.

Курц проверил входную дверь. Заперта на ключ и на засов. Затем заглянул в небольшую кухню. Еще одна дверь, запертая и на цепочке. Раздвинув дверь на балкон, он вышел на ажурное металлическое сооружение. На улице похолодало, начался дождь. Попасть на балкон можно было, только спустившись с крыши. Вернувшись в квартиру, Курц прошел мимо Софии – прижавшей руки к груди, защищаясь от внезапного холодного сквозняка, но тем не менее покрывшейся мурашками, – и осмотрел спальню, заглянул в шкафы и под кровать.

Затем он вернулся в ванную.

София, полностью раздевшись, стояла под струями теплой воды. Ее длинные выющиеся волосы уже были мокрыми.

– Господи, – бросила она в открытую дверь душевой кабины, – да ты просто параноик!

Курц снял с себя окровавленную одежду.

Курц был возбужден, но не до такой степени, чтобы потерять голову. Он давно пришел к выводу, что после первых двух лет воздержания тяга к сексу остается прежней, но одержимое стремление к нему или сводит людей с ума – в Аттике он вдоволь насмотрелся на это – или опускается до чего-то вроде метафизического голода. Отбывая срок, Курц читал Эпиктета и других стоиков и нашел их философию восхитительной, но скучной. На его взгляд, вся хитрость заключалась в том, чтобы наслаждаться лишениями, но не идти у них на поводу.

София намылила его с ног до головы, не забыв налившийся в эрекции член. С его лицом она обращалась очень аккуратно, стараясь не попасть мылом в свежие ссадины.

– По-моему, ты обойдешься без лейкопластыря, – заметила она.

Вдруг София широко раскрыла глаза: Курц в свою очередь начал ее намыливать, причем не только грудь и треугольник волос в промежности, но и шею, лицо, спину, плечи, руки и ноги. Судя по всему, София ожидала более прямолинейного подхода.

Протянув руку к чему-то похожему на мыльницу с крышкой, лежащему на кафельной полочке, она достала презерватив, зубами разорвала упаковку и натянула его Курцу на затвердевшее «естество». Тот улыбнулся, восхищаясь ее ловкостью, однако пока что средство предохранения ему было не нужно.

Сняв с той же полочки флакон с шампунем, Курц намылил Софии длинные волосы, массируя сильными пальцами ей голову и виски. Она на мгновение закрыла глаза, а затем, отобрав шампунь, намылила его короткие волосы. Ее макушка находилась где-то на уровне носа Курца; подняв лицо, София поцеловала его в губы. Они встали под душ, смывая шампунь. Курц вжался членом в мягкие изгибы ее живота, и София обняла его за затылок левой рукой, а правую опустила, начиная его ласкать.

Она прильнула к нему, прислонившись спиной к выложенной плиткой стене и подняв ногу. Смыв мыло и шампунь с ее груди, Курц прикоснулся губами к соскам. Правой рукой он обнял Софию за талию, левой начал нежно растирать ей промежность. У нее задрожали бедра;

она раскрылась перед ним, исторгая из своего чрева влажный жар в его ладонь. Пальцы Курца проникли внутрь, осторожные, пытливые. Он вдруг с удивлением поймал себя на мысли, что, хотя они находятся под хлещущей струей душа, в этом месте София более мокрая, чем где бы то ни было.

– Пожалуйста, давай! – прошептала она, прижимаясь влажными губами к его щеке. – Нетяни!

Они начали двигаться вместе. Подхватив Софию правой рукой под ягодицы, Курц приподнял ее, прижимая к стене, а она обвила ногами его бедра и откинулась назад, сплетя руки у него на затылке. Мышцы ее рук и ног напряглись до предела.

Наконец София издала сдавленный вскрик. У нее затрепетали веки, а все тело содрогнулось в спазме, который Курц ощутил головкой члена, бедрами и растопыренными пальцами правой руки.

– Боже милосердный, – прошептала София, все еще прижатая к плиткам стены под теплыми струями.

Курцу вдруг почему-то захотелось узнать, какая вместимость резервуара горячей воды в этом доме. Подождав немного, София поцеловала его и снова начала двигаться.

– Я не почувствовала, как ты кончил. Ты не хочешь кончать?

– Чуть позже, – сказал Курц, приподнимая ее.

София снова застонала, когда он покинул ее чрево. Схватив его за мошонку, она прижала к нижней части живота пульсирующий член.

– О господи, – она улыбнулась, – можно подумать, это я провела в тюрьме двенадцать лет.

– Одиннадцать с половиной, – поправил Курц.

Он выключил воду, и они стали вытирать друг друга. Полотенца были мягкими и пушистыми.

Вытирая ему между ногами, София заметила:

– Он у тебя по-прежнему твердый как камень. Как ты можешь терпеть?

Вместо ответа Курц поднял ее на руки и понес в спальню.

Глава 16

Было уже пять часов утра, когда они наконец оторвались друг от друга.

Они лежали рядом в кровати, на взгляд Курца, размерами в точности соответствовавшей камере, в которой он сидел.

София закурила и предложила ему сигарету. Курц покачал головой.

– Некурящий уголовник, – сказала она. – Первый раз о таком слышу.

– А если смотреть в тюрьме телевизор, – отозвался Курц, – может сложиться впечатление, что на воле все давно бросили курить и теперь судятся с табачными компаниями. Наверное, на самом деле это тоже не так.

– Да, на самом деле это не так, – подтвердила София. Поставив маленькую эмалированную пепельницу на прикрытый одеялом живот, она стряхнула пепел. – Итак, Джо Курц, зачем ты пришел к моему отцу, предложив свое бесполезное расследование?

– Оно не бесполезное. Я знаю свое дело.

Сделав глубокую затяжку, София покачала головой:

– Я имела в виду предложение найти Бьюэлла Ричардсона. Тебе известно не хуже меня, что он на дне озера Эри или под слоем бетона толщиной четыре фута.

– Да.

– В таком случае почему ты предлагаешь найти его и привести к отцу?

Курц потер глаза. Его начинало клонить в сон.

– Должен же я как-то зарабатывать на жизнь.

– Пока что от твоих усилий мало толка. Наведаясь в гости к вдове Бьюэлла – которую, судя по всему, убили сразу же после твоего ухода, – и искалечил бедного покойного Карла.

– Покойного? – удивился Курц. – Карл умер?

– В больнице у него начались какие-то осложнения, – небрежно произнесла София. – Что рассказал тебе Скэг про угоны грузовиков и исчезновение Ричардсона?

– Достаточно, чтобы я понял: на самом деле все гораздо сложнее, чем кажется, – сказал Курц. – Или кто-то наезжает на твоего отца, или тут идет какая-то серьезная игра.

– Ты кого-нибудь подозреваешь? – спросила София, гася сигарету и глядя Курцу прямо в глаза.

Одеяло сползло с ее груди, но она даже не попыталась его поправить.

– Естественно, – ответил Курц. – Разумеется, адвоката Майлза. Всех ближайших помощников твоего отца с чрезмерными амбициями.

– Все, у кого были хоть какие-то амбиции, ушли после того, как папа удалился от дел.

– Да, знаю, – кивнул Курц.

– Значит, остается один Майлз.

– И ты.

София не стала притворяться, изображая гнев.

– Естественно. Но зачем мне затевать эту грязную игру, если я все равно унаследую деньги папы?

– Хороший вопрос, – заметил Курц. – Теперь мой черед. Ты сказала, что можешь мне сообщить, кто меня подставил.

София покачала головой.

– Точно мне ничего не известно, но если в деле замешан Майлз, ты должен опасаться некоего Малькольма Кибунта и его ненормального белого друга.

– Малькольм Кибунт, – повторил Курц. – Не знаю такого. Описать можешь?

– Бывший «мясник» из Филадельфии. Огромный, черный, злой, как ужаленный змеей мормон. Ему лет тридцать с небольшим. Бреет голову наголо, но носит маленький паричок.

Ходит в черной коже, весь обвешанный золотом. В переднем зубе у него вставлен маленький бриллиант. Я видела его всего один раз. Не думаю, что Леонарду Майлзу известно о том, что я знаю об их отношениях с Кибунтом.

– Не буду спрашивать, откуда ты это знаешь, – сказал Курц.

Закурив новую сигарету, София глубоко затянулась и молча выпустила дым.

– И чем занимается наш друг Малькольм? – поинтересовался Курц.

– Из Филадельфии он перебрался сюда, спасаясь от обвинения в убийстве, – продолжала София. – Причем на мокрое дело он пошел не ради «мясников». Наоборот, пришел своего собрата по заказу колумбийской мафии. Малькольм занимался кокаином, занимался по-крупному. Затем переключился на устранение конкурентов.

– Сидел? – спросил Курц.

– Ничего серьезного. Вооруженное нападение при отягчающих обстоятельствах. Незаконное хранение оружия. Убил свою первую жену – задушил.

– Ну за это-то он должен был получить срок.

– Получил, но небольшой. Его защищал Майлз. Он добился для Малькольма двух лет принудительного лечения в психушке. Кажется, именно поэтому Майлз считает, что Кибунт у него на крючке. Но я бы на месте Майлза на это особо не рассчитывала.

– А что ты можешь сказать про его белого друга?

София покачала головой. Ее выющиеся волосы, высохнув, стали виться еще больше.

– Я его ни разу не видела. Не знаю, как его зовут. Говорят, он действительно белый – почти альбинос – и умеет обращаться с ножом.

– Ого, – нахмурился Курц.

– Вот уж точно, – вздохнула София. – Если бы папа до сих пор вел дела в Буффало, этих двоих раздавили бы как тараканов, как только они появились бы в городе. Но сейчас я сомневаюсь, что папа даже слышал о них.

– Как именно твоего отца отстранили от местных дел?

София снова вздохнула.

– Скэг рассказывал тебе о перестрелке?

– Только упомянул про нее, не вдаваясь в подробности.

– Что ж, рассказывать особенно нечего, – сказала София. – Лет восемь назад папа с двумя телохранителями возвращался из ресторана «Бостон-Хиллз» и две машины попытались взять его лимузин в «коробочку». Разумеется, водитель папы знал свое дело, и стекла были пуленепробиваемые, но когда водитель сдавал назад, выбираясь из ловушки, один из нападавших выстрелил в его стекло из ружья, а затем в разбитое окно уже палили из автоматов. Папа получил лишь царапины, но оба его телохранителя были убиты.

Умолкнув, она стряхнула пепел в эмалированную пепельницу.

– Папе удалось переползти вперед, сесть за руль и повести «Кадиллак» самому, – продолжала София, – при этом еще и ведя ответный огонь из пистолета Лестера – так звали водителя. Он завалил по крайней мере одного из нападавших.

– Они были белые или черные? – спросил Курц.

– Белые, – ответила София. – Одним словом, папе удалось бы уйти, но кто-то выстрелил в «Кадиллак» из винтовки. Проклятая пуля калибра.357 «Магнум» пробила багажник, запасное колесо, оба сиденья и застряла у папы в спине, в четверти дюйма от позвоночника. А лимузин был бронированный.

– Дон Фарино выяснил, кто организовал на него покушение?

София пожала плечами. Соски у нее были нежно-коричневые.

– Долгое расследование, несколько подозреваемых, но ничего определенного. Скорее всего, это сделали Гонзаги.

– Вторая шайка итальянского сброда, орудующая в западной части штата Нью-Йорк? – уточнил Курц.

София нахмурилась.

– Мы не называем их «итальянским сбродом».

– Ну хорошо, – согласился Курц. – Гонзага – вторая банда макаронников, имеющая лицензию на ведение дел в этом штате, так?

– Так.

– И в итоге прошло уже шесть лет с тех пор, как то, что осталось от семьи Фарино, окончательно развалилось?

– Да, – подтвердила София. – После того как папа стал калекой, дела пошли под откос.

Курц кивнул:

– Твой старший брат Дэвид пытался вести дела семьи до середины девяностых. Затем он разбился на машине, до ушей перегруженный кокаином. Твоя старшая сестра сбежала в Европу и ушла в монастырь в Италии.

София кивнула.

– Потом некоторое время всем заведовал Скэг, но остальные семьи пришли к выводу, что твоему отцу пора на покой, – продолжал Курц.

– Скэг набрался наркотиков и набросился на свою подружку-бразильянку с лопатой, и вот ты осталась в большом доме одна со своим отцом.

София промолчала.

– Что у вас крадут? – спросил Курц. – На грузовиках, на которые нападают?

– Видеомагнитофоны, проигрыватели видеодисков, сигареты, – сказала София. – Обычная мелочовка. Все нью-йоркские семьи занимаются контрабандой спиртного, видеомагнитофонов и видеокассет, а это значит, игра идет по-крупному. А папе бросают крошки. Сигареты оставили в память о прошлом.

– На сигаретах без акцизных марок можно прилично заработать, – заметил Курц.

– Но только не при тех объемах, которые оставили нашей семье, – возразила София.

Соскользнув с кровати, она подошла к гардеробу. На одном из кожаных кресел у окна лежал махровый халат, но София не обратила на него внимания. Судя по всему, обнаженной она чувствовала себя превосходно.

– Тебе пора уходить отсюда, – сказала она. – Скоро будет светать.

Кивнув, Курц встал с кровати.

– Господи, сколько же у тебя шрамов! – воскликнула София Фарино.

– Со мной часто происходят несчастные случаи, – усмехнулся Курц. – Где моя одежда?

– В мусоропроводе.

Отодвинув зеркальную дверь гардероба, София достала мужскую джинсовую рубашку, трусы в упаковке и вельветовые брюки.

– Вот, возьми, – сказала она. – Это тебе подойдет. У меня найдутся для тебя и новые кроссовки с носками.

Курц откинул назад свои короткие волосы.

– Я такое не ношу, – заявил он.

– Что не носишь? – удивилась она. – Джинсовые рубашки?

– Тут на груди вышит пони.

– Ты надо мной издеваешься. Это совершенно новая рубашка стоимостью двести долларов.

Курц пожал плечами.

– Я не ношу одежду с логотипами компаний. Если они хотят, чтобы я рекламировал их торговые марки, пусть мне платят.

София Фарино снова рассмеялась, и Курц снова с наслаждением послушал ее смех.

– Какой ты принципиальный, – заметила она. – Пришел Эдди Фалько, искалечил старину Карла, хладнокровно пристрелил еще бог знает сколько человек, но какой принципиальный! – Она бросила ему другую рубашку, менее качественную. – Бери, на этой нет ни пони, ни крокодилов, ни баранов, ни закорючки «Найк», вообще ничего. Ты доволен?

Курц надел рубашку. Она подошла идеально. Как и трусы, вельветовые брюки, носки и кроссовки. Вряд ли София специально ради него заранее прошлась по магазинам. Курцу стало любопытно, сколько мужской одежды разных размеров есть у нее в запасе. Наверное, это что-то вроде упаковки презервативов на полке в душе: судя по всему, девиз Софии Фарино – «всегда быть готовой ко всему».

Он направился к двери.

– Эй, – окликнула его София, накинув халат и зашлепав босиком следом, – на улице холодно.

– Ты и куртку мою тоже выкинула?

– А ты как думал? – Открыв шкаф в прихожей, она достала дорогую куртку-пилот из непромокаемого кожзаменителя. – Возьми, тебе должно подойти.

И действительно, куртка ему подошла. Курц отпер дверь.

– Курц, – остановила его София, – ты по-прежнему голый.

Она достала из шкафа девятимиллиметровый «Зиг Зауэр».

Осмотрев пистолет, – обойма была полной, – Курц протянул его Софии.

– Я не знаю, где ему пришлось побывать.

София улыбнулась.

– За ним нет следа. Или ты мне не веришь?

Натянув улыбку, Курц всунул пистолет ей в руки. Закрыв за собой дверь, он прошел по отдельному коридору, спустился на лифте на первый этаж и вышел на улицу мимо сонного, но очень любопытного охранника у входной двери. Пройдя квартал на запад, Курц обернулся и посмотрел на дом. У Софии еще горел свет, но он тут же мигнул и погас.

Глава 17

Новое логово Курца находилось в бывшем морозильном складе, переделанном под жилой дом, располагавшемся всего в миле от облагороженного района, избранного в качестве места обитания Софией Фарино. По-настоящему еще не рассвело, но плывущие над головой низкие тучи уже окрасились в более светлый серый цвет.

Без оружия Курц чувствовал себя раздетым; кроме того, у него кружилась голова. Он приписал это тому, что за последние двадцать четыре часа ничего не ел и не пил, кроме бокала «Чивас Регала», а вовсе не обильному сексу. Курц признался себе, что у него успели появиться надежды о сытном завтраке из яичницы с беконом и о горячем кофе, в мягком халате кирпичного цвета, в обществе мисс Фарино. «Ты становишься мягкотелым, Джо», – сказал он себе. Хорошо хоть дорогая теплая куртка защищала его от сырой прохлады.

Курц проходил под мостом И-90, когда его осенила одна мысль. Сойдя с тротуара, он взобрался по отлогой бетонной стене и стал поочередно заглядывать в низкие темные ниши, в которых бетонные опоры встречались со стальными балками. В первых двух отверстиях не было ничего, кроме голубиного помета и человеческого дерьма, но в третьей Курц разглядел маленькую иссохшую фигуру, забившуюся в дальний угол захламленной ниши. Когда глаза Курца привыкли к темноте, он различил широко раскрытые белые глаза, трясущиеся плечи и длинные голые дрожащие руки, торчащие из разорванной футболки. Даже в полумраке он смог разглядеть на этих руках ссадины и следы от иглы. Тощий человек попытался как можно дальше отползти от входного отверстия.

– Эй, Пруно⁵, все в порядке, – окликнул его Курц. Протянув руку, он похлопал обитателя ниши по запястью. Оно оказалось более холодным и безжизненным, чем некоторые трупы, с которыми приходилось иметь дело Курцу. – Это я, Джо Курц.

– Джозеф? – недоверчиво спросила трясущаяся фигура. – Это правда ты, Джозеф?

– Да.

– Когда тебя выпустили?

– Совсем недавно.

Пруно выполз из своего угла и попытался расправить разломанную картонную коробку и вонючее одеяло, на которых сидел. Остальная часть ниши была завалена бутылками и газетами, используемыми, судя по всему, в качестве утеплителя.

– Черт возьми, Пруно, где твой спальник?

– Его украли, Джозеф. Всего пару ночей назад. По-моему... Совсем недавно. Когда только начало холодать.

– Дружище, тебе следует переселиться в приют.

Подняв с пола бутылку вина, Пруно предложил ее своему гостю. Курц покачал головой.

– Приюты с каждым годом становятся все противнее, – произнес старый алкоголик и наркоман. – Теперь их девиз: «Работа за кров над головой».

– Работать все же лучше, чем замерзнуть до смерти, – заметил Курц.

Пруно пожал плечами.

– Когда умрет один из стариков – уличных бродяг – я раздобуду себе одеяло получше. Думаю, надо подождать до первого снега. Ну а как ребята в блоке Ц, Джозеф?

– В прошлом году меня перевели в блок Д, – сказал Курц. – Но, насколько мне известно, Билли из блока Ц перебрался в Лос-Анджелес и устроился работать в кино.

– Снимается в фильмах?

– Обеспечивает безопасность на съемках.

⁵ В оригинале *Pruno* (англ.) – «чернослив». – Прим. ред.

Пруно издал звук, начавшийся как смех, но быстро перешедший в кашель.

– Обычное вымогательство. Но киношников провести нетрудно. Ну а ты как, Джозеф? Я слышал, братья «Мечети смерти» объявили тебе фетву, как будто они знают, что это такое.

Курц пожал плечами:

– Всем известно, что у М-братьев все равно нет денег. Так что меня это не беспокоит. Слушай, Пруно, ты ничего не знаешь о разграбленных грузовиках Фарино?

Изможденный, осунувшийся человечек оторвался от бутылки.

– Сейчас ты работаешь на Фарино, Джозеф?

– Не совсем. Просто занимаюсь тем, чем занимался всегда.

– Что ты хочешь узнать про эти машины?

– Кто на них нападает. Когда намечено следующее дело.

Пруно закрыл глаза. Серый свет, проникавший в узкое отверстие, озарял грязное, осунувшееся лицо, напоминавшее Курцу деревянные изваяния Иисуса, которые он видел в Мексике.

– Кажется, я слышал кое-что о том, как после последнего нападения на грузовик один тип по прозвищу Бандан и его дружки сбывали краденые сигареты и видеомagnetofоны, – ответил Пруно. – Ну а на этапе планирования мне о таких вещах не сообщают.

– Бандан из «кровопийц»? – уточнил Курц.

– Да. Ты его знаешь?

Курц покачал головой.

– Одного козла из блока Д прикончили в сортире, якобы из-за того, что он был должен молодому бойцу из банды «кровопийц» по прозвищу Бандан. Говорят, этот Бандан провел один сезон в команде национальной баскетбольной ассоциации.

– Чепуха, – отчеканил Пруно, делая ударение на каждом слове. – Бандан может похвастаться разве что тем, что кидал мячик в кольцо на спортивной площадке в парке отдыха Дела-вэр.

– Что ж, тоже неплохо, – заметил Курц. – Станет ли «кровопийца» вроде Бандана выполнять приказы бывшего «мясника»?

Пруно снова закашлял.

– В наши дни все работают со всеми, Джозеф. Это называется глобализацией экономики. Ты за последние десять лет не читал ни одной работы ребят из «Лиги плюща»⁶?

– Нет, – признался Курц. – Не доводилось.

Он знал, что Пруно в свое время преподавал в университете.

– Разделение и терпимость, – сказал Пруно, допивая вино. – Терпимость и разделение. Никому не нужны ни классики, ни знания, ни науки. Только терпимость и разделение, разделение и терпимость. Вот чем вымощена дорога к глобальной торговле и всемирной информационной системе. – Он прищурил слезящиеся глаза, пытаясь разглядеть в полумраке Курца. – Да, Джозеф, Бандан и его дружки станут прислуживать бывшему «мяснику», если за этим будут стоять деньги. После чего они попытаются прибить этого ублюдка. А о каком «мяснике» мы говорим?

– О некоем Малькольме Кибунте.

Пруно пожал плечами. Его снова охватила дрожь.

– Понятия не имел, что Малькольм Кибунт был «мясником».

– Тебе известно о какой-либо связи между этим Малькольмом, Банданом и семьей Фарино?

Пруно опять разразился кашлем.

⁶ Группа самых престижных колледжей и университетов на северо-востоке США.

– Это очень маловероятно, поскольку Фарино, как и все навороченные семьи, настоящие расисты. Выражаясь более сжато, Джозеф, – нет.

– Ты не знаешь, где я могу найти этого Кибунта?

– Не знаю. Но я поспрашиваю.

– Только постарайся сделать это по-тихому, Пруно.

– Не беспокойся, Джозеф.

– Еще один вопрос. Ты ничего не знаешь о белом типе, с которым якшается этот Малькольм?

– О Потрошителе? – Голос Пруно дрожал то ли от холода, то ли от перепоя.

– Его так зовут?

– Под таким именем его знают, Джозеф. А больше мне ничего не известно. И я не хочу больше ничего знать. Это очень плохой человек, Джозеф. Пожалуйста, держись от него подальше.

Курц кивнул.

– А тебе, Пруно, нужно перебраться в приют или хотя бы раздобыть приличное одеяло. Хорошо поест. Пожить какое-то время среди людей. Тебе здесь не одиноко?

– Num quam se minus otiosum esse, quam cum otiosus, nec minus solum, quam cum solus esset, – сказал старый наркоман. – Ты знаком с Сенекой, Джозеф? Я давно советовал тебе его почитать.

– Боюсь, до него я так и не добрался, – ответил Курц. – Ты какого Сенеку имеешь в виду, вождя индейцев?

– Нет, Джозеф, хотя тот Сенека тоже отличался красноречием. Особенно после того, как мы, белые, «подарили» его племени одеяла, зараженные черной оспой. Нет, я имел в виду философа Сенеку...

Взгляд Пруно стал затуманенным и рассеянным.

– Не хочешь перевести? – спросил Курц. – Как в старые добрые времена?

Пруно улыбнулся.

– «Он никогда не был менее празден, чем когда предавался безделию, и никогда не был менее одинок, чем когда находился один». Сенека сказал это о Сципионе Африканском, Джозеф.

Сняв кожаную куртку, Курц положил ее Пруно на колени.

– Я не могу принять это, Джозеф.

– Она досталась мне бесплатно, – заверил его Курц. – Получил ее меньше часа назад. А у меня дома таких полон шкаф.

– Ерунда, Джозеф. Полная ерунда.

Потрепав старика по тощему плечу, Курц спустился на набережную. Он хотел попасть на свой склад, пока еще не совсем рассвело.

Глава 18

Старое кирпичное здание было первоначально построено как холодильник, затем большую часть двадцатого столетия служило складом, после чего в течение двадцати лет приносило деньги как частное хранилище, когда огромные просторные помещения были разбиты на множество клетушек без окон. Совсем недавно консорциум адвокатов решил «навариться», переоборудовав здание в элитный жилой дом с видом на город и внутренними мезонинами, выходящими на центральный двор. Архитекторы взяли за основу проект «Бредбери-Билдинга» в Лос-Анджелесе – излюбленного места для съемок телевизионных программ и фильмов: голые кирпичные стены, затейливая чугунная ковка, внутренние чугунные лестницы и лифты в отдельных шахтах, десятки контор с дверями из матового стекла. Строители принялись за работу: обнесли всю территорию забором, достроили сверху мезонины, установили дорогие стеклянные крыши, снесли кое-где стены, пробили кое-где окна. Но затем на рынке жилой недвижимости наступил спад, состоятельные люди потянулись в другие районы, у адвокатов закончились деньги, и здание оказалось заброшенным, среди других таких же заброшенных кирпичных складов. Адвокаты, не терявшие оптимизма, оставили на обнесенной забором площадке строительные материалы, намереваясь снова приступить к работам, как только консорциум получит новые средства.

Об этом месте Курцу рассказал Док, торговец оружием и по совместительству ночной сторож в Лакаванне. В прошлом году Док сам работал здесь сторожем, когда еще не утасили надежды на возвращение денег и возобновление работ. Курцу пришлось по душе то, что он услышал: два верхних этажа и лифт по-прежнему были подключены к электричеству, хотя нижние этажи оставались запутанным лабиринтом темных коридоров и крохотных клетушек без окон, отгороженных от центрального атриума стенами. Частная охранная служба навещалась сюда два-три раза в неделю, но только чтобы убедиться в целостности ограждения и наличии замков и цепей.

Курц прорезал проход в проволочном ограждении в самом неподходящем месте – там, где вдоль него проходили железнодорожные пути. Цифровой замок на двери черного хода он открыл с помощью пятизначного числа, сообщенного Доком. Придя сюда в первый раз, Курц обнаружил, что в двери очень кстати разбито стекло, поэтому ему не представляло труда высовывать руку и менять комбинацию цифр на замке.

Курц сразу же влюбился в это место. Отопление здесь было отключено – что создаст определенные проблемы, когда в Буффало наступит настоящая зима, – но на седьмом этаже для умывальников и туалетов в строительных бытовках была оставлена вода. По-прежнему работал один из трех огромных грузовых лифтов, но Курц им никогда не пользовался. Оглушительный скрежет напоминал ему рев чудовища из старого фильма «Годзилла». В здании имелись широкая лестница, ведущая из вестибюля через просторные площадки, освещенные естественным светом, проникающим через толстые стеклянные стены, темная лестница черного хода и две ржавые пожарные лестницы на улице. На верхних двух этажах в стенах было пробито несколько окон, так и оставшихся незастекленными.

Три нижних этажа представляли собой темный лабиринт, заваленный всяким хламом; внутренний атриум, также заваленный хламом, был освещен через стеклянную крышу. Атриум мог стать путем к отступлению для тех, у кого хватило бы духу спуститься по строительным лесам, поднимающимся от стеклянной крыши до самого верха.

Деньги у консорциума иссякли как раз тогда, когда строительство дошло до стадии голых кирпичных стен.

Рано утром Курц, ежась под холодным дождем, прошел по ржавым железнодорожным путям, пролез в дыру в ограждении, поправив за собой колючую проволоку так, чтобы дыра

была незаметна, проник в здание через дверь черного хода, проверил охранные приспособления, расставленные в вестибюле, и пробежал пять пролетов по парадной лестнице.

Он устроил себе гнездо на шестом этаже. В маленькой комнате не имелось окон – все окна в складе были сделаны в стене между коридором и внутренним двором, – но Курц протянул удлинитель от дежурного освещения через обвалившиеся перекрытия. Он оборудовал себе лежанку из приличного спального мешка, позаимствованного у Арлин, а сумка, полученная при выходе из Аттики, фонарик и несколько книг разместились на полу. Пистолет и револьвер, смазанные, снаряженные, завернутые в промасленные тряпки, лежали в сумке вместе с дешевым спортивным костюмом, который он использовал в качестве пижамы. В этом закутке даже имелись удобства – по крайней мере туалет, добавленный где-то в 1920-е годы, когда в здании еще находились холодильники и конторы для складских рабочих.

Время от времени Курц натаскивал воду с седьмого этажа. Водопровод работал, но ни ванны, ни даже душа не имелось.

Постоянно подниматься пешком на шестой этаж было очень тяжело, но зато Курц наслаждался акустикой заброшенного склада: пустынные коридоры так усиливали звуки, что шаги были слышны за два этажа, лифт – который он все-таки попробовал – мог разбудить мертвого, а атриум просто представлял собой огромный резонатор. Человеку, впервые попавшему сюда, будет очень непросто застигнуть врасплох того, кто уже успел здесь освоиться.

Кроме того, как обнаружил Курц, за полтора столетия постоянных перестроек и ремонтов в здании появилось множество глухих закутков, ниш, щелей, лестниц, перегородок и других укромных мест, где можно спрятаться. Он потратил некоторое время, исследуя свои новые владения с фонариком. И – что лучше всего – здесь имелся старинный подземный тоннель, ведущий из подвала здания в подвал соседнего склада, расположенного в нескольких сотнях ярдов к востоку.

Курц заглянул в картонную коробку, служившую ему чем-то вроде холодильника. Там оставалось две бутылки воды и несколько пачек печенья. Он поел печенья и выпил целую бутылку воды, затем забрался в спальный мешок и взглянул на часы: 6:52 утра. Курц собирался прийти сегодня в свой офис и поработать с Арлин, но можно и немного опоздать.

Погасив дежурное освещение, Курц свернулся клубком в кромешной темноте, выжидая, пока пройдет дрожь и мешок согреется, и провалился в сон.

– Есть, – сказал Малькольм Кибунт.

Они с Потрошителем сидели в грузовичке, стоявшем в двух кварталах от заброшенного склада. Ночь выдалась долгой. Как только свой полицейский в суде сообщил Майлзу, что кто-то внес за Курца залог, Малькольм предупредил Бандана об отмене завтрашней резни в тюрьме, захватил Потрошителя, пистолет и приборы наблюдения, угнал грузовичок и стал караулить у входа в здание суда. Запасной план состоял в том, чтобы наехать на Курца, как только он отойдет от входа на достаточное расстояние, и расправиться с ним, а также с тем, кто внес за него залог. Затем Малькольм увидел, что за человек внес за Курца залог, и перешел к плану номер три.

Все предраассветные часы Малькольм и Потрошитель ждали в грузовичке у дома Софии Фарино, поставив его чуть дальше вниз по улице. Они уже собрались уезжать, когда Курц наконец вышел и направился в противоположную сторону. На улице было так пустынно, что Малькольм решил дать Курцу скрыться и лишь затем тронулся, двигаясь вперед большими крюками, каждый раз ставя грузовичок среди других таких же грязных, непримечательных машин, не ближе чем в двух кварталах от Курца. Было темно, и только дорогой армейский прицел и прибор ночного видения позволяли Потрошителю и Малькольму следить за Курцем.

В какой-то момент им показалось, что они довели его до логова, когда он исчез под мостом. Но только Малькольм и Потрошитель собрались отправиться следом за ним, как Курц

снова появился на набережной и направился дальше. По какой-то причине глупец избавился от своей куртки. Потрошитель предложил остановиться под эстакадой и проверить, куда делась куртка, но Малькольм спешил спуститься к реке и найти место для стоянки, пока Курц не скрылся из вида. Светлело. Через полчаса дальнейшая слежка станет невозможной: Курц обязательно обратит внимание на обшарпанный зеленый грузовичок, постоянно появляющийся где-то поблизости, хотя бы и в двух кварталах.

Но удача по-прежнему им сопутствовала. Они поставили грузовичок на старом грузовом дворе железнодорожной станции. Со своего места они увидели – Малькольм в прибор ночного видения, а Потрошитель в мощный армейский бинокль, – как Курц пробрался в дыру в проволочном ограждении и проник на заброшенный склад.

Они подождали еще час. Курц не появился.

– По-моему, мы нашли его логово, – сказал Малькольм.

Почесав бородку, он положил на колени свой девятимиллиметровый «Тек». Буркнув себе под нос, Потрошитель щелкнул ножом, выкидывая лезвие.

– Не знаю, Потрошитель, мальчик мой, – подумав, произнес Малькольм. – Место просторное. Вероятно, там темно. Он его знает, а мы нет.

Они сидели молча несколько минут. Вдруг Малькольм просиял.

– Знаешь, что нам нужно для этой работенки, Потрошитель?

Потрошитель перевел на него пустой взгляд своих бесцветных глаз.

– Ты совершенно прав, – сказал Малькольм. – Нам нужен белый сброд, настолько глупый, что ему неизвестно о щедром обещании «Мечети смерти», и готовый отправиться на этот склад и убить мистера Курца почти задаром.

Потрошитель кивнул.

– Верно, – согласился Малькольм. – Мы знаем, где живет мистер Курц. Достаточно просто привезти сюда «Щенков-ищеек из Алабамы». – Он расхохотался.

Выдохнув ртом, Потрошитель уставился сквозь дождь на темное здание заброшенного склада.

Глава 19

– Уютная кроватка, – заметил Курц, когда Арлин спустилась по черной лестнице в контору в подвале. Полусонный, он валялся на диванчике с вылезшими пружинами, обтянутом выцветшим гобеленом в цветочек. – Она из твоего дома?

– Очень мило, что ты заглянул сюда и обратил на нее внимание, – сказала Арлин, вешая плащ на вбитый в стену гвоздь. – Разумеется, из моего дома. Алан проспал на ней множество футбольных матчей. Я попросила Уилла и Бобби помочь притащить диван сюда. А что это у меня на столе?

– Видеомонитор, – сказал Курц.

– Телевизор?

– Не бойся, включи.

Щелкнув выключателем, Арлин некоторое время в недоумении смотрела на экран. Нечеткая черно-белая картинка была ограничена четырьмя стенами: прилавков, шкафы, кабинки, коридор.

– Что это? Я должна следить за извращенцами из порномагазина наверху?

– Точно, – согласился Курц. – Хозяева меняли систему наблюдения, и я попросил Джимми протянуть сюда кабель и продать один из старых мониторов.

– Продать? – Арлин покрутила мышкой, пробуждая к жизни экран своего компьютера. – И сколько он стоил?

– Пятьдесят гринов, подключение бесплатно. Я обещал Джимми расплатиться, когда получу деньги. В конце месяца... или в следующем месяце... или еще когда-нибудь.

– И это только для того, чтобы я могла смотреть за тем, как грязные старики покупают грязные журналы и порновидео?

– Смотри, если хочешь, – небрежно бросил Курц.

Соскочив с дивана, он подошел к своему письменному столу в дальнем конце длинного помещения. У него на столе лежало лишь несколько папок и записки, оставленные Арлин.

– Ты действительно считаешь, что нам необходима система видеонаблюдения? – спросила Арлин. – Обе двери постоянно закрыты на замок, и мы особенно не афишировали, что работаем здесь.

Курц пожал плечами:

– Действительно, наружную дверь выбить непросто. Но дверь из порномагазина – это просто дверь. А мне кажется, за мной кое-кто охотится.

Налив две чашки кофе, хотя Арлин только что вернулась с обеденного перерыва, Курц уселся на край ее письменного стола. И повторил описание Малькольма Кибунта, Потрошителя и Бандана, данное Пруно, а затем вспомнил Мэнни, брата Сэмми Левина, и описал и его.

– Ты поссорился с Дэнни Де Вито? – поинтересовалась Арлин.

– Похоже на то, – согласился Курц. – Так или иначе, если увидишь на мониторе, что кто-нибудь из этих ребят появился наверху, быстро уходи через другую дверь.

– Да под это описание подпадает половина извращенцев, посещающих порномагазин, – усмехнулась Арлин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.